

А.П. РАЙТ

ТАЙНЫ
ОСТРОВА
СЕН ЛИНСЕЙ

дети
магнолии

А. П. Райт

Тайны острова Сен Линсей. Дети Магнолии

Серия «RED. Детективы и триллеры»

**Серия «Тайны острова
Сен Линсей», книга 1**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65558767

*Тайны острова Сен Линсей. Дети Магнолии: Редакция Eksmo Digital
(RED); Москва; 2022*

ISBN 978-5-04-168159-3

Аннотация

Констанция Маршан совсем не похожа на своего эксцентричного отца-художника: она далека от творчества, не верит в сказки и суеверия, зато отлично ладит с логикой и здравым смыслом. Другое дело её братец – Берт никогда не упустит возможность очаровать всех вокруг, набрать долгов и закрутить роман с красоткой. Вот только однажды брат с сестрой получают в наследство от родственника, которого они никогда не знали, дом на острове, о котором они никогда не слышали. И с этого момента всё вокруг переворачивается с ног на голову.

Теперь им предстоит иметь дело с необычными традициями острова Сен Линсей и его чудаковатыми обитателями, оказаться в центре истории с убийствами и под пристальным вниманием местной знати. Возможно ли сохранить рассудок, распутывая тугой клубок лжи, мистификаций и интриг?

Комментарий Редакции: Многообещающий детектив про то, какие головокружительные повороты дарит читателям затейливый сюжет, сложные герои и живописные локации.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	73
Глава 5	99
Глава 6	125
Глава 7	149
Конец ознакомительного фрагмента.	164

А. П. Райт

Тайны острова Сен

Линсей. Дети Магнолии

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital
(RED)

В оформлении обложки использована фотография:

© Dewin ' Indew / iStock / Getty Images Plus /
GettyImages.ru

* * *

Глава 1

Бесконечная и пугающая стена тумана медленно приближалась к парому, завлекая его в свои влажные объятия. Лёгкими и аккуратными мазками она стирала окружающий мир – и свинцовое небо, и редкие волны, и даже горизонт, до того казавшийся единственной непобедимой константой. В детстве нас страшат вечной тьмой, непроглядной чёрной бездной, но никто не предупреждает о том, каким холодным может быть это давящее со всех сторон желтовато-серое облако, протягивающее к тебе свои мокрые щупальца...

Конни потянула носом воздух, и вместе с ним в её и без того измученное качкой несчастное тело проник этот жуткий могильный холод. Инстинктивно она вся встрепенулась, но это не помогло. Её лицо и волосы пропитались туманом, он влез за воротник и, обратившись ледяными каплями, сбежал по спине к копчику. Ей хотелось взвыть, но внутренний голос подсказывал – так она лишь раззадорит этого гадкого морского духа, и он непременно придумает для неё новое, ещё более неприятное испытание. Или вернёт ей приступы морской болезни, а этого хотелось меньше всего. Судя по опыту последних суток пути, вряд ли в её организме остался хоть какой-то «лишний груз», который без последствий для здоровья можно было бы вывернуть за перила на палубе. Стараясь не задумываться об этом надолго, Конни

попыталась взглянуть в туман, но глаза явно отказывались принимать эту разрастающуюся пустоту и очень скоро начали болеть.

«Может, есть смысл вернуться в каюту и ждать конца света там?» – спросила она сама себя, опуская воспалённые веки. Всё, что происходило вокруг, она иначе как концом света про себя не называла. Настолько её впечатлил этот туман, стирающий пространство, словно ластик. К тому же Конни испытывала слабость к красочным метафорам и сравнениям. Вероятно, это было тем немногим, что (помимо внешних генетических проявлений) досталось ей от художника-отца.

– А-а-аргх! – взвыл рядом знакомый голос, который за всё время путешествия успел Конни порядком достать. Тёмный силуэт промелькнул мимо и резко остановился у самого края палубы, чуть не перегнувшись через поблекшие красные перила. – Почему мы проснулись так рано? Судя по этому облачку, мы ещё в самом нигде! А отсюда до острова ещё целое никогда! Точно тебе говорю, Констанция!

– Это всё твоя вина, Берт, – лениво зашевелила заиндевелившими губами Конни в ответ, – ты своим поведением разозлил морского духа, а мстит он мне... почему-то...

– Как всегда, да? – усмехнулся Берт и, поправив на носу воображаемые очки, принялся изображать акцент и голос доктора Фрейда (как он сам себе его представлял). – Это расп’гостранённая болезнь всех ста’гших сестё’г, моя до’гогая Констанция! Р’гевность к младшему р’гебёнку в семье

по'гождает в твоём сознании ложное п'гедположение, будто сам факт существования б'гата является п'гичиной твоих собственных бед и неудач!

– Господи Иисусе, Берт! Что это за звуки ты издаёшь? – Конни как будто бы даже очнулась от своего апокалипсического полусна и с изумлением взглянула на брата. – Откуда эта картавость?

– Это немецкий акцент! Или австрийский? Они как-нибудь отличаются? – попрыгав на месте, чтобы разогнать кровь, бодро тараторил он. Из рта и ноздрей его валил пар, хотя семейный адвокат уверял их, что климат на острове Сен Линсей очень даже тёплый.

– Никогда не изображай его в присутствии немцев, умоляю тебя, – попросила Конни с нажимом. – И, на всякий случай, при французах тоже. И вообще... где ты понабрался этой психобайды про братьев и сестёр?

– Читаю умные книжки, как и положено умному человеку!

– У нас с тобой разница в возрасте – пять месяцев, умник... – проворчала девушка и втянула голову настолько глубоко в ворот куртки, насколько это было физически возможно. Скрыться от всепоглощающей пустоты это не помогло, но стало хоть немного теплее, – Когда бы я успела тебя приревновать? В перерывах между хождением под себя, грудным вскармливанием и нескончаемыми криками детского отчаяния?

– ...нескончаемые крики детского отчаяния... – задумчиво протянул Берт, эхом подхватив слова сестры. – Каково, а? Даже в нуте твоём частенько сквозит настоящая поэзия! А если серьёзно, где это мы?

– Понятия не имею... – голос Конни сорвался в надрывный скрежет, – паромщик куда-то запропастился, я его ещё не видела. Весь паром будто вымер.

– А может, он и впрямь вымер? – добавив загадочных ноток в свои кривляния, медленно протянул Берт и обернулся с таким театрално-драматичным выражением лица, что хоть сейчас рисуй с него афишу для фильмов Хичкока. Всё же, несмотря на все мимические старания этого горе-театрала, и на расстоянии вытянутой руки в густом облаке тумана Конни с большим трудом могла рассмотреть черты лица брата. Впрочем, с ними она и так была прекрасно знакома. Во многом ещё и потому, что львиную долю из них она в качестве папиного наследства пожизненно носила на своём собственном лице. Думая об этом, она всегда с усмешкой вспоминала четвёртую жену отца, предпринявшую когда-то смелую попытку публично усомниться в том, что они с Бертом действительно дети великого Яна Маршана. Эксцентричная дамочка сколько угодно могла плевать ядом и язвить, но стоило БERTу и Констанции оказаться в одном помещении с отцом, и все подобные обвинения тут же являли общественности свой истинный облик – бессмысленного словоблудия или откровенной клеветы. Не считая того, что Конни так и

не догнала ни отца, ни брата ростом, их родственное сходство было более чем очевидно. У всех троих, как у херувимов с рождественских открыток, व्यюнком вились пшеничного цвета локоны, но заметно контрастировали с ними тёмные острые стрелки бровей, а у отца и вовсе росла жуткая чёрная борода, что делало его на удивление привлекательным для фотографов и коллег-художников.

Хоть Берт с бородой и не повезло, всё же он был точнейшей молодой копией Яна Маршана, и не только внешне. Ему досталось и придурковатое (как всегда казалось Конни) обаяние, и неиссякаемая жажда жизни, и даже кое-какие художественные таланты. Старшей же сестрице, видимо, не досталось ничего, кроме фамильных черт. Хотя нет, ей достался дом...

Дом на острове Сен Линсей.

– Смешно, – без улыбки хмыкнула девушка и прильнула к перилам в надежде, что с этой позиции ей удастся рассмотреть хоть что-то вдаль. – Как думаешь, скоро мы приплывём?

– Не знаю. А вдруг мы пересекли границу мира мёртвых и живых? Что если теперь мы вечно будем скитаться в этом тумане? Или мы просто заблудились...

– Завязывай с этой лирикой, Берт, – Конни очень устала от поездки. И особенно устала от болтовни брата. – Сейчас заблудиться невозможно. Все корабли напичканы электронными навигационными системами и всякими там датчика-

ми. Даже если б очень хотел потеряться, то и не смог бы! Понимаешь?

– Понимаю. А ещё ты зануда, ты знала об этом?

– Догадывалась...

Они замолчали на ближайшие минут двадцать, но и двадцать минут в этой тягучей и серой прослойке междумирья казались вечностью. На верхней палубе не было больше никого, и от того с каждой минутой жуткая мистическая версия Берта переставала казаться такой уж нереальной. Стоило об этом задуматься, и с туманом что-то произошло. Он не стал таять сразу, но как будто начал опадать со всех сторон, превращаясь в полёте в гадкую ледяную морось. По-девичьи взвизгнув, братец первым рванул в укрытие, ловко скользя по залитой дождём палубе. Мелкими шажочками Констанция засемила следом. Как только они успели забежать в укрытие, на паром с грохотом обрушился ливень, застилавший окна и поглощающий свет. Вокруг стало темно, и даже слабое мерцание электрических лампочек в их каюте не особенно помогало. В довершение ко всему, Конни снова начало укачивать, поэтому она, не раздеваясь, поспешила лечь на свою койку и закрыть глаза.

– Ты когда-нибудь видела, чтобы туман так резко превращался в шторм? – не дав ей провалиться в столь желаемое состояние полусна, рядом заговорил Берт. – Чудеса природы! И почему мы так редко путешествовали по морю?

– Потому что человечество изобрело самолёты, Берт... –

сквозь зубы процедила Конни, не открывая глаз. – Но на этом богом забытом островке нет аэропорта...ох...даже маленького аэродромчика! Я бы предпочла сейчас трястись в ржавом кукурузнике, чем быть здесь! Кажется, меня опять тошнит...

– Не правда. Ты уже сутки ничего не ешь, так что нечем тебе тошнить. А уж в ржавом кукурузнике ты бы чувствовала себя ничуть не лучше, поверь мне! У тебя слабый вестибулярный аппарат – вот в чём всё дело, – продолжал жужжать над ухом братец. – Тебя в детстве даже на каруселях укачивало. Да-а, Конни, ты уже тогда умудрялась испортить людям веселье!...

– Просто дай мне умереть, Берт! – взмолилась девушка надрывно, хватаясь за голову. – Зачем ты делаешь всё это ещё более мучительным?!

Он начал что-то отвечать, но голос его утонул в громком утробном гудке парома. Конни резко распахнула веки, отчего перед глазами тут же заплесали в адском танце тёмные пятна и люминесцентные блики лампочек. Подождав, пока зрение более-менее наладится, она осторожно села.

– Паром жив! – театрально возводя руки к небу, воскликнул Берт и широко улыбнулся.

За дверью слышались топот, приглушенная болтовня и скрип старых паркетных досок – пассажиры, которые ещё каких-то полчаса назад не подавали никаких признаков жизни, активно высыпали из своих кают.

– Сен Линсе-е-э-й! – протяжно и достаточно громко провозгласил кто-то вдалеке, затем прошелся по коридорам и повторил своё объявление ещё раз, не забыв звонко стукнуть чем-то о каждую дверь.

– Мы...приехали? Мы были так близко?

– Наверное, из-за тумана мы этого не увидели, – пожал плечами Берт и, подскочив на месте, ловко сорвал с одной из верхних полок сначала свой рюкзак, а затем и чемодан сестры. – Разве ты не рада?

Конни не могла точно сказать – рада они или нет. Чувство получилось какое-то смешанное. С одной стороны, она не могла дожидаться прибытия на Сен Линсей из-за всех этих сложностей с морской болезнью и нелюбовью к замкнутому пространству (в особенности ей не нравилось делить каюту с Бертом), но с другой – неизвестность естественным образом пугала её. А неизвестность заключалась в том, что ни Берт, ни сама Констанция никогда не были на острове под названием Сен Линсей и даже никогда не слышали о нём, пока в их жизни не появился Симеон В.

Он так и представился – «Симеон В. Адвокат семьи Ди Гран» – как только явился к Констанции на съёмную квартиру. Впрочем, это и квартирой-то сложно было назвать: так, чердачок с оборудованным санузелом и крохотной кухонькой в окружении гипсокартонных стен. Это могло бы быть романтичным жилищем, какие любил её отец, будь там фактурная кирпичная стена, большое и старое полукруглое ок-

но и неряшливая, но пропитанная творческим духом мастерская художника. Ничего такого у Конни в квартирке не имелось, потому что это был не какой-нибудь старинный дом (от того и полукруглых окон, фактурных стен и ароматных древесных балок нечего было и ожидать), а самый обычный панельный таунхаус, какие сейчас массово расплодились в любом относительно приличном пригороде. Стены там были наспех обклеены желтовато-бежевыми обоями в мелкую ромашку, на входе висела картинка с ассиметричным голубоглазым котёнком, играющим с клубком ниток, а из мебели дело ограничивалось раскладным диваном, одноместным обеденным столиком и шкафом для одежды. Да, Конни не любила замкнутых пространств, но только в том случае, если это пространство не было её уютной личной берлогой. А эта квартирка была именно таковой – тёплым и таким своим, родным и мягким, как вязаный свитер, убежищем от всех раздражающих факторов внешнего мира. К тому же обходилась аренда совсем недорого, в её положении это было очень кстати.

– Здравствуйте, моё имя Симеон В., я адвокат семьи Ди Гран! – произнёс он, как только Констанция отворила перед загадочным гостем дверь. Хозяева дома сдавали ей это местечко при условии, что приходить и уходить она будет по пожарной лестнице, не беспокоя их и не портя своим видом их иллюзию беззаботной жизни в отдельном доме. Семья эта, ровно как и сама Конни, переживала не лучшие вре-

мена, но пока ещё не готова была это признать. Так и получилось, что у этого чердачка была своя лестница и свой собственный отдельный вход через балкончик над вторым этажом.

– Здравствуйте, – растерянно отвечала Конни, машинально пожимая протянутую ей навстречу холодную руку. Адвокат был высоким и очень худым, поэтому его серый костюм висел на нём, как на вешалке. Его влажные от пота русые волосы были явно наспех зачёсаны назад в попытке прикрыть сверкающую лысую макушку. В целом выглядел он достаточно комично, но вполне безобидно и даже трогательно.

– Вы ко мне?

– А вы Констанция Маршан? – поспешил уточнить визитёр, нервно прочищая горло.

– Эх, да... – печально кивнула девушка, пропуская странного гостя в дом. – Чем обязана? Интервью? Известные картины? Или я просто задолжала ещё кому-то денег?

– Нет-нет, ничего такого, госпожа Маршан, – поспешил заверить её Симеон В. – Скажите, а как я мог бы разыскать вашего брата..?

– Он что, опять указал меня в качестве поручителя? – вспыхнула Конни, ясно ощущая в сердце прилив искренней ненависти в Берту за его дурную манеру втягивать её в свои финансовые махинации, словно ей и без того проблем мало. Гость, будучи обладателем печальных глаз породистого бассет-хаунда, взглянул на девушку с выражением глубочайше-

го раскаяния вкупе с усталостью. У неё сердце защемило от этого зрелища, и ненависть к проделкам братца быстро испарилась.

– Простите меня, госпожа Маршан, – виновато произнёс Симеон В., – видимо, я не с того начал. Дело в том, что я являюсь поверенным вашего двоюродного дедушки Августа Ди Грана. Он приходился дядей вашему покойному отцу.

– О, да... Ди Гран...точно, – Конни начинала припоминать. Отец нередко упоминал, что девичья фамилия его матери была Ди Гран, даже утверждал, будто она относилась к некоему аристократическому роду. Вот, пожалуй, и всё, что было ей известно о родственниках отца. К слову, в сказки про благородное происхождение она никогда не верила, в отличие от отцовских сменяющих друг друга пассий. – И что же привело вас ко мне?

– Повод весьма печальный, к сожалению. Ваш двоюродный дедушка скончался на прошлой неделе, – выдержав драматичную паузу, со скорбью произнёс адвокат. Очевидно, он ждал от Конни соответствующей эмоциональной реакции, и она честно попыталась изобразить глубочайшее потрясение. Вышло прескверно, но лишь потому, что до сего дня девушка и знать не знала об этом родственнике. Решив не перебарщивать с лицемерием, она поспешила извиниться перед Симеоном В.

– Я...я сожалею об этом. Это ужасная новость, но я, признаюсь, совсем не знала никого из семьи Ди Гран...

– Да-да, я понимаю, – часто закивал печальный и заметно уставший гость. – Я же, напротив, знал господина Ди Грана много лет, и мне всё ещё тяжело осознать...

– Примите мои соболезнования, – невпопад выпалила Конни и только потом сообразила, как странно и неловко развернулся их диалог. К счастью, Симеон вовремя понял, что надо дать беседе иное развитие. С горькой улыбкой на тонких губах он поблагодарил девушку за вежливость.

– Должно быть, вас озадачивает вся эта ситуация, госпожа Маршан, – сочувственно произнёс он затем и быстрым взором окинул её простенькую квартирку, – но, я полагаю, когда всё встанет на свои места, вы будете приятно удивлены. Дело в том, что у Августа Ди Грана не было своих детей, поэтому в своём завещании он пожелал разделить кое-какое своё наследство между тремя оставшимися прямыми потомками фамилии Ди Гран. Так уж выходит, что вы оказались в их числе.

– Так...мне полагается наследство? – изумилась Конни. – Но я же никогда не встречалась с этим Августом...

– Это не играет никакой роли, – поспешил заверить её Симеон В., – господину Ди Грану важно было, чтобы его наследие осталось в пределах семьи. Конечно, для вступления во владение имуществом необходимо выполнить ряд условий, указанных в завещании, но я не могу огласить его, пока не разыщу вашего брата. Вы можете мне с этим помочь?

– Я не видела его уже больше месяца, – пожала плечами

Констанция, но быстро сообразив, что лишнее финансовое подспорье ей сейчас не помешало бы, добавила, – но я постараюсь его разыскать. Есть парочка предположений относительно его возможного местонахождения.

– Замечательно, госпожа Маршан! – искренне обрадовался адвокат, и стало ясно, что он уже с ног сбил, пытаясь разыскать Берта. Нервным движением он вытянул из кармана небольшую карточку с указанным на ней адресом. – Я арендовал офис в городе. Как только разыщите господина Маршана, приходите на встречу со мной, и я посвящу вас во все детали.

Многие, помимо Симеона В., пытались разыскать Берта. В числе искателей числились два солидных банка, одна полукриминальная кредитная организация и в общей сложности с десятков лиц из числа девиц и их ревнивых мужей. Если первым двадцатилетний повеса должен был деньги, то последним оскорблённое достоинство пришлось бы возвращать весьма болезненными способами. Неудивительно, что теперь братец пропал с радаров и сидел где-то тише воды, ниже травы.

Вот только прятался он всегда по тому же принципу, что и отец, когда ему требовалось сбежать ото всех (и от своих жён в первую очередь). Конни знала этот тайный маршрут и примерно представляла, где сейчас Берта можно подловить. Конечно, пришлось немало потрудиться, но в конце-концов в одном из отцовских укрытий они всё-таки пересеклись, и,

лишь услышав слово «наследство», Берт пулей бросился на встречу с адвокатом семьи Ди Гран.

– И тебя ни капельки не волнует, что мы об этом двоюродном дедушке никогда не слышали? – спросила Конни уже у самой двери арендованного Симеоном В. офиса.

– Думаешь, это ловушка? – на три оттенка побледнел Берт и испуганно взглянул на сестру. Очевидно, братец всерьёз боялся своих преследователей.

– Нет, не думаю...

– Тогда мне плевать! – поспешил отмахнуться он, чуть успокоившись. – Ну захотел какой-то милый старикашка оставить наследство своим бедствующим родственничкам! Разве ж это плохо? Уверен, уже за одно это ему уготовано тёплое местечко в райском саду.

– Может, там какая-нибудь ветхая мелочь и обычное стариновское барахло? Чего ты радуешься раньше времени?

– Не ветхая мелочь, а ретро и винтаж! – прыснул парень нервно, – Что бы это ни было, это можно продать. К тому же, как ты упомянула, наследников трое, а это значит, там есть что разделить на троих! Пусть даже и мелочь, но мы оба сейчас не в том положении, чтобы перебирать варианты. Скажешь, я не прав?

– Прав... – буркнула Конни и заметно помрачнела. Она терпеть не могла моменты, когда несносный братец оказывался правым, но это был именно тот случай. Нет, она не разбивала ничьих сердец, не играла в азартные игры и кре-

диторы пока ещё терпеливо относились к её задержкам по выплатам, но на данном этапе своего падения она подошла к той самой угрожающей стадии, когда надежд на внезапный успех и всеобщее признание не предвидится. Да и видеть не хочется. Это был период, когда уже не фантазируешь, не строишь планов, а просто живёшь изо дня в день. И, выходя утром из дома, единственное о чём мечтаешь – поскорее вернуться обратно, забраться под одеяло и забыться во сне. Всё, что она зарабатывала, уходило на погашение долгов и оплату жилья, поэтому вот уже больше года в её гардеробе не появлялись красивые вещи, а только «практичные», и ей даже удалось убедить себя в том, что она и сама такая. Практичная. Иногда она проговаривала это вслух. Звучало ужасно. Словно в этот момент она метким выстрелом убивала Констанцию Маршан, весёлую и цветущую, со сверкающей алмазной брошкой в волосах и в узорчатом ситцевом платье. Ту самую белокурую девочку, которую она иногда видела на своих старых фотографиях. От этих мыслей у неё внутри всё сжималось, а затем каменело, надолго застывая в таком неудобном положении.

Симеон В. был страшно рад появлению обоих Маршанов. Он долго распинался о том, как сложно ему далось разыскать их и как тяжело ему даётся континентальный климат. Брат с сестрой вежливо кивали и выражали максимальное сопереживание к козням, свалившимся на адвоката.

– На Сен Линсее, конечно, очень комфортные климатиче-

ские условия, вот я и привык ко всему хорошему! – наконец, Симеон нервно хохотнул и уселся за свой стол. Берт с Конни разместились на неудобных стульях прямо напротив. – Впрочем, я очень надеюсь, что скоро вы и сами убедитесь...

– Убедимся?..

– В том, что на Сен Линсей превосходный климат, – уточнил адвокат и резким движением раскрыл перед собой толстую, обшитую бордовой кожей, папку с документами.

– А вот здесь нам не помешало бы чуть больше контекста, – после недолгой паузы с сомнением проговорил Берт.

– Да-да, я всё сейчас вам объясню, – тараторил господин В., быстрыми взмахами ладоней пролистывая одну страницу документа за другой. Наконец, он остановился, внимательно уставился в текст и (это было видно по движению его зрачков) прочёл его несколько раз. – Так вот! – он резко очнулся и посмотрел на присутствующих молодых людей. – Как я уже упоминал ранее, Август Ди Гран не имел собственных детей, поэтому всё его имущество по условиям завещания должно быть в равных долях распределено между тремя оставшимися прямыми потомками семьи Ди Гран. Речь идёт о детях его ныне покойного старшего племянника Яна Маршана, Констанции и Адальберте Маршан, то есть о вас. А так же о родной племяннице покойного – Виолетте Ди Гран. Получается, что вам Виолетта Ди Гран приходится двоюродной тётёй.

– У нас еще и тётушка есть! Ты слышала, Конни? Многого нам папа не рассказал... – покачал головой смело настроен-

ный Берт.

– Думаю, ваш отец мог не знать Виолетту, – корректно поспешил пояснить адвокат, и его взгляд бассет-хаунда помог придать этим словам особую глубину.

– Пусть она и тётя вам, но ей лишь недавно исполнилось восемнадцать лет, а ваш отец на момент своей кончины не поддерживал отношения со своими родственниками на Сен Линсей очень много лет.

– Что ещё за Сен Линсей?

– Это небольшое, но весьма уютное островное государство, господин Маршан, – пояснил Симеон, – основанное святым чудотворцем Линсеем в пятнадцатом веке.

– Никогда не слышал о таком, – быстро прогнав всю информацию через фильтры своей памяти, выпалил Берт. – А ты, Конни?

– Тоже, – девушка пожала плечами. – Надо на «Википедии» почитать...

– Сен Линсей – это обособленный и очень закрытый мирок. Я не удивлюсь, если информации о нём вы найдёте не очень много. Кроме того, даже попасть туда может не всякий желающий. Но об этом чуть позже...

– Да-да, – кивнул братец, – вы хотели поведать нам, о каком конкретно наследстве идёт речь...

– Берт!

– А что? Я деловой человек и хочу получить исчерпывающую информацию!

– Я вас прекрасно понимаю, господин Маршан, – Симеон В. пролистнул ещё несколько страниц документа и совершенно спокойным голосом зачитал список полагающихся брату и сестре частей имущества покойного Августа Ди Грана.

Пауза в безликом взятом во временную аренду офисе Симеона В. повисла такая долгая и эмоционально тяжёлая, что адвокат невольно заёрзал на стуле. Брат с сестрой не смотрели друг на друга. Каждому казалось, что ему послышалось. Наконец, они медленно оглянулись, и их изумлённые взгляды встретились. Выражение лиц обоих ясно давало понять – они услышали ровно одно и то же.

– Кхм-кхм... – нервно прочистил горло адвокат и уже заметно более осипшим голосом произнёс, – Как я и говорил ранее, покойный господин Ди Гран указал в завещании условия, выполнение которых предоставит вам возможность распоряжаться данным имуществом и денежными средствами. Во-первых, вы оба должны переехать в его семейный дом на острове Сен Линсей для постоянного проживания там. Во-вторых, вы оба обязуетесь носить двойную фамилию Маршан – Ди Гран и передать фамилию Ди Гран своим будущим наследникам. Так же в своём завещании Август выразил надежду на то, что вы позаботитесь о его племяннице Виолетте и станете ей добрыми друзьями, но это уже просто пожелание, юридически оно никак не регулируется.

– Та-ак...и...эм...это всё? – тихонько поинтересовался

Берт, уже совсем не такой храбрый и решительный, как пару мгновений назад.

– Это всё, господин Маршан. Осталось только выяснить, готовы ли вы с сестрой переехать на Сен Линсей. Если ваш ответ будет положительным, мы сегодня же оформим всё официально.

Они согласились, не советуясь. Не могли не согласиться.

Глава 2

Когда накопленный жизненный опыт, сформировавший в сознании что-то наподобие универсальных истин, сталкивается с очевидными сбоями в реальности, тогда у человека разумного случается он – когнитивный диссонанс. Какое ёмкое и звучное словосочетание, к тому же прекрасно подходящее под то состояние, которое Конни испытывала в момент, когда они с Бертом спускались по трапу с парома на неизведанную землю острова Сен Линсей. Перед ними раскинулся огромный, залитый сочной зеленью, сошедший, словно с открытки, горный пейзаж. Вдоль набережной плотной очередью выстроились старинные домики, окрашенные в синий, бирюзовый и аквамариновый цвета. В гавани лениво покачивались на воде рыбацкие лодки и красивые маленькие яхты. Воздух в порту на Сен Линсей был насквозь пропитан летней безмятежностью и ощущением нарастающей дневной жары.

Синхронно брат с сестрой оглянулись назад. Всё же позади куда-то за горизонт плыло огромное туманное облако, поэтому эффект неожиданности немного смазался. Согласитесь, если бы после всех своих скитаний в тумане и под дождём они вдруг увидели сейчас ясное небо, утопающее в мягких лучах восходящего солнца, диссонанс заметно бы усилился. Но нет, их разум природа Сен Линсей пощадила. Возможно, в последний раз.

– Очевидно, мы попали в какой-то циклон, но вышли из него... – Берт озвучил свои выводы вслух. Конни кивнула, но ей по-прежнему казалась озадачивающей столь резкая перемена погоды.

– Местечко довольно милое, – произнесла она после нескольких минут взаимного молчания. Они шагали по причалу навстречу городку под названием Порт Моро, который почему-то казался девушке очень знакомым. Его мощёные камнем узкие улочки, окна домов с деревянными ставнями и неизменно очаровательными подвесными горшочками с розовыми цветами будили в её памяти ассоциации с клубничным вареньем, запахом дерева и звонким смехом непоседы-мальчишки. – Берт... – позвала она осторожно, – тебе это ничего не напоминает?

– Ты тоже это заметила? – брат ухватил Констанцию за руку и остановился. – Это же один в один иллюстрация из «Страны магнолий»!

Теперь всё стало ясно, и оба Маршана на мгновение утонули в процессе созерцания окружающей их картинки. Именно картинки, той самой, что они столько раз видели на одной из первых страниц их любимой детской книжки «Страна магнолий». Реальность практически не отличалась от яркой иллюстрации – эта панорама набережной была такой несовременной, не пластиковой, не стеклянной, но почти игрушечной. Порт Моро очаровывал своей полной отрешённостью от того мира, который совсем недавно покинули

Конни и Берт. Даже люди здесь казались какими-то иными, словно персонажи, сошедшие со страниц старых романов.

Было около половины восьмого утра, поэтому порт кипел во всю: рыбаки выгружали улов из своих лодок, сразу же отправляя его на ближайший рыбный рынок, над которым облаком вились стайки истеричных чаек, а группа шумных (под стать чайкам) дамочек в широкополых шляпах радостно встречала каких-то мужчин с парома, накидываясь на них со смачными поцелуями и расспросами о поездке. На двух чужаков в лице брата и сестры Маршан никто не обращал внимания, поэтому они могли спокойно разглядывать всё и всех, широко разинув рты.

– Констанция и Адальберт Ди Гран, я полагаю? – произнесла глубоким бархатным голосом невысокая женщина в тёмных очках и чёрной шляпке, внезапно оказавшаяся совсем рядом с растерянными чужаками. Оба вздрогнули, они были так поглощены окружающим их городком, что даже не заметили, как она к ним подошла. Выглядела незнакомка более чем достойно: в аккуратном шёлковом брючном костюме насыщенного фиолетового цвета, с небрежно накинутой на одно плечо тёмной накидкой и смольно-чёрными, аккуратно забранными под шляпку выющимися волосами она держалась по-королевски и походила на кинозвезду сороковых-пятидесятых годов.

– Маршан, – хором поправили её Конни и Берт, но быстро осеклись. Согласно договору, который они подписали под

пристальным взором Симеона В., теперь им полагалось носить двойную фамилию, хоть сам адвокат уверял их, что представляться они могут лишь одной.

– Да-да, всё верно, – согласилась дама и изящным движением опустила с носа свои тёмные очки, открывая молодым людям прекрасное, чуть тронутое морщинами, загорелое лицо. – Меня зовут Севилла Сапфир, я управляю поместьем Ди Гран, – она протянула сначала Берту, а затем и Конни свою руку в кружевной перчатке, – безмерно рада нашему знакомству! Надеюсь, вы хорошо добрались?

– Могло быть лучше, – выпалил Берт на выдохе. Конни хотела одёрнуть его, чтобы он не позорил её при этой прекрасной даме, но руки у неё будто приросли к телу. Возможно, сказывались усталость и яркие впечатления от увиденного ими городка, но в душу закралось подозрение – это пронзительный взор васильковых глаз Севиллы Сапфир проник прямо в спинной мозг девушки и парализовал её.

– Морские путешествия бывают утомительными, согласна с вами, – госпожа Сапфир произносила каждую реплику с особым достоинством, – но мы домчимся до поместья в два счёта, и вы сможете хорошенько отдохнуть. Я припарковала машину недалеко, ниже по улице. Это весь ваш багаж?

– Симеон заверил нас, что он сам привезет оставшиеся вещи позже, когда уладит...кхм... – Конни нервно прочистила горло, – кое-какие дела финансового и юридического характера...

– Очень удобно. Нечего вам таскаться с сумками, – госпожа Сапфир откинула с лица вьющуюся чёрную прядь и кошачьей походкой направилась вниз по улице. Брат с сестрой покорно направились следом. – Знаете, на острове пока ещё не знают о вашем приезде. Мы с Симеоном старались держать всю эту историю с завещанием Августа в тайне, но, можете быть уверены, уже завтра общественность на Сен Линсей загудит, обсуждая приезд новых Ди Гранов.

– Загудит? – переспросил Берт с интересом. – Нашего двоюродного дедушку, видимо, очень хорошо знали здесь?

– О, да! – усмехнувшись, отвечала Севилла. Ловко она свернула возле небольшой торговой лавочки, упитанный хозяин которой из окна радостно помахал ей рукой, и остановилась возле сверкающего старинного «Роллс Ройса» рубинового цвета. Не используя ключа, дама отворила дверь автомобиля. – Прошу на борт!

– Это... «Сильвер клауд» шестидесятого года? – эхом возглас Берта ударился о стены домов. Конни не особенно разбиралась в старых автомобилях, но по реакции брата сразу поняла – речь идёт о настоящем раритете. К тому же «Роллс» выглядел превосходно, аристократично переливаясь в лучах утреннего солнца. Госпожа Сапфир поправила свою чёрную шляпку и, лучезарно улыбнувшись, уселась за руль. Вопрос Берта остался без ответа, но этого и не требовалось. Румяный и возбуждённый, словно мальчишка в магазине игрушек, он оглядывал машину со всех сторон, попутно издавая

странные звуки, напоминающие не то нервное хихиканье, не то приступы астмы. Констанция воспользовалась этой его эйфорией, чтобы занять пассажирское место на переднем сидении.

Салон у авто был непривычно просторным и высоким, а бежевые кресла напоминали, скорее, кожаные диванчики в залах ожидания, и всё же его сложно было назвать комфортным. Воздух внутри машины был тяжёлым и горячим, насквозь пропитанным запахом бензина и жжёной пыли, а ещё у пассажирского сидения не обнаружилось ремня безопасности.

– А?.. – водя рукой по стенкам и дверцам, растерянно промямлила Конни, но Севилла, заметив её замешательство, поспешила отмахнуться.

– Не переживайте об этом, – бросила она как бы небрежно, – я очень аккуратный водитель!

– Это нечто! – Берт, наконец, ворвался в салон, мгновенно поглотив половину воздуха. – Настоящая классика! Откуда она у вас?

– Ниоткуда, – дождавшись, пока Берт с сумками удобно устроится в салоне позади, госпожа Сапфир повернула ключ зажигания. Автомобиль громко кашлянул и завибрировал всем корпусом. – Это машина покойного Августа Ди Грана. Он ласково называл её Клаудией и ухаживал за ней, почти как за женщиной, вероятно, поэтому она до сих пор на ходу. Кстати, теперь она ваша.

– Наша?!.. – на вдохе пискнул Берт и поперхнулся собственными эмоциями. Ближайшие несколько минут, пока «Клаудия» выезжала на набережную, Маршан со слезами на глазах пытался откашляться, восстановить дыхание и презентабельный вид. Когда ему удалось, он смиренно замолк и, мечтательно уставившись в окно, любовался пейзажами острова. Ладонь же его нежно скользила по гладкой бежевой коже сидения.

– Очень уютный городок этот Порт Моро, – Конни предприняла попытку возобновить беседу с Севиллой Сапфир, надеясь таким образом отвлечься от своих пугающих ассоциаций, связанных с отсутствием ремня безопасности и неожиданно решительной манерой вождения новой знакомой. «Клаудия» под предводительством элегантной дамы резво промчалась мимо лавочек и прижатых друг к другу аквамариновых старинных домиков. На миг в окнах мелькнула небольшая площадь с каким-то памятником и фонтаном, затем серое с белоснежными колоннами и часами здание городской ратуши. Толком рассмотреть улицы не получалось, потому что ехала машина уж очень быстро.

– Не самый интересный на Сен Линсей, как по мне, – фыркнула Севилла, отзываясь на реплику побледневшей пассажирки. – Я больше люблю более крупные поселения, вроде Сальтхайма, Калимонтем и Линсильву, конечно же! Кстати, именно туда мы и направляемся...

– Линсильва? Звучит как-то по-испански...

– Ох, этого добра здесь навалом, милая, – Севилла крутанула руль, и машину резко повело вправо, а затем она так же внезапно рванула вверх по крутому склону. Конни в ужасе вжалась в своё кресло, хватаясь обеими руками за сидение.

Здания и лавочки исчезли, и пейзаж за окном демонстрировал петляющий горный серпантин впереди, бескрайнюю морскую гладь справа и кривые зубцы густо поросших зеленью возвышенностей слева.

– ...в своё время здесь оседали представители самых разных европейских государств, – продолжала Сапфир, водружая свои солнцезащитные очки обратно на нос. – Португальцы, итальянцы, немцы, французы, даже шведы и много ещё кто. Кое-кто из них предпринимал идиотские попытки колонизировать Сен Линсей, но ни у кого не получилось. Зато теперь у нас тут настоящий винегрет стилей и национальных кухонь. Думаю, вам понравится. Симеон говорил, вы прежде много путешествовали.

– Когда отец был жив, в основном, – Конни безразлично пожала плечами. К её огромному облегчению, на серпантине Севилла заметно выровняла свою манеру вождения, а природа Сен Линсей радовала разнообразием красок и райской безмятежностью, какая бывает свойственна только тёплым южным островам, оторванным от шумного и тесного континентального мира.

Со скрипом Констанции удалось опустить стекло своего

окошка, и в салон проник свежий морской бриз, растрепав светлые волосы девушки. Берт, кажется, задремал, поэтому остаток пути прошел в тишине и спокойствии, нарушаемом лишь шумом мотора и редкими криками чаек.

Через сорок минут они, наконец, свернули с серпантина на узкую дорогу, уходящую в самую глубь самшитового леса, разросшегося настолько, что солнечный свет, утопая в его пушистых зарослях, проникал сюда лишь редкими пронзительными лучами. «Клаудия» здесь ещё немного замедлилась, плавно проплывая сквозь череду полос тени и света. В тёплом и влажном воздухе висел аромат сочной зелени, который хотелось вдыхать снова и снова. Конни высунула лицо в окно, жадно поглощая этот сладкий и тягучий, словно сироп, лесной дух. Пожалуй, с момента их прибытия это был самый сказочный момент. Внезапно ей почудилось, будто она чувствует себя...свободной и даже немного счастливой. Скорее всего, подумалось ей, она просто давно не была в отпуске.

– Впереди тоже есть на что взглянуть, – прерывая затянувшееся молчание, произнесла госпожа Сапфир, и Конни машинально оглянулась на неё. Женщина кивком указала на силуэт, постепенно вырастающий у них на пути. Из земли им навстречу являлся дом. Нет, не дом, а настоящий замок. Констанция открыла было рот, чтобы выразить своё восхищение, но так и замерла.

Огромное строение эпохи возрождения из серого камня

с неимоверным количеством окон и несколькими острыми башенками никак не подходило под понятие «дом» и даже слово «поместье» не могло достаточно чётко указать на статус этого монументального строения. Конечно, прежде Конни доводилось видеть дворцы, вроде Зимнего, Версаля или Вестминстерского аббатства, поэтому она понимала, что это здание по многим параметрам всё же не дотягивает до них. Но, по сравнению с современными особняками тех же голливудских знаменитостей, этот замок казался чем-то совершенно сверхъестественным, пришедшим из самых глубин того сказочного прошлого, о котором написано в книгах.

– Линсильва, – возвестила госпожа Сапфир, подъезжая к высоким кованым воротам, которыми заканчивался самшитовый лес. – Поместье семьи Ди Гран. Вот вы и дома!

– Берт! – Конни перегнулась через своё сиденье и ущипнула дремлющего брата за коленку. Он вздрогнул и растерянно посмотрел по сторонам.

– Мы...уже приехали?

– О, да, братец, – шепнула Констанция, – и тебе стоит на это поглядеть!

Когда Симеон В. перечислял положенное им по наследству имущество, то в числе прочего он назвал и поместье семьи Ди Гран. Назвал он и площадь его, но так получилось, что Маршаны в этот момент уже с трудом воспринимали информацию. Количество нулей на банковском счете покойно-

го Августа впечатлило их настолько, что понимать какие-либо иные цифры получалось, мягко говоря, нелегко. Теперь же стало ясно – дом Ди Гранов был главным сокровищем из всех. Он был одновременно пугающим и прекрасным, какими кажутся старинные фамильные склепы и кладбища, где мрачный дух смерти и скорби соседствует со сложными каменными изваяниями, ангелами и плачущими девами, утопающими в поглотившей их сочной зелени. Прошлое и настоящее – жизнь и смерть, что сплелись в замысловатый церемониальный венок. Чем ближе Конни и Берт подъезжали к замку, тем сильнее их захватывало это чувство, словно они и впрямь сумели проплыть через вязкую и холодную границу миров, и это новое, незнакомое им измерение, затягивало их в себя, очаровывая или одурманивая своей красотой.

Вероятно, намереваясь ещё больше впечатлить брата и сестру, Сапфир не стала останавливать машину возле неприметных задних дверей, что вели в дом прямо от кованых ворот и самшитовой рощи. Вместо этого она медленно объехала замок, чтобы потом остановиться у парадного входа. За это время Констанция успела высунуть голову в окно целиком и во всех деталях рассмотреть проплывающие мимо каменные стены, кое-где поросшие мхом, и на самом деле просто огромные полуовальные окна, наглухо зашторенные тяжёлыми портьерами. Особняк был построен на небольшой возвышенности, поэтому со второго этажа с одной стороны, как догадалась девушка, можно было бы увидеть прекрасный

морской пейзаж.

«Клаудия» остановилась у широкой, но достаточно невысокой главной лестницы, ведущей к большим двустворчатым дверям. Украшенные сложной средневековой резьбой двери венчались замысловатым гербом с изображением какого-то цветка и двумя парами букв – «СЛ» и «ДГ».

– Что это значит? – указывая на герб, поинтересовался Берт.

– Цветок магнолии – символ семьи Ди Гран, – объяснила Сапфир, направляясь к входу, – а буквы – это инициалы известнейшего его представителя – Святого Линсея Ди Грана.

– Святого Линсея? – переспросила Конни с сомнением. – Так остров же так и называется...

– А в честь кого, по-вашему? – Севилла обернулась к девушке и красиво вскинула тёмную бровь. – Святой Линсей основал первое поселение здесь, на острове, в середине пятнадцатого века. По легенде он был настоящим чудотворцем, а сейчас считается небесным покровителем этих мест. К потомкам его фамилии относятся соответствующе.

– А-а-а это кое-что объясняет... – протянул Берт, вспоминая о том, как госпожа Сапфир говорила, что весь остров вскоре узнает об их прибытии. Когда домоправительница уверенным шагом направилась к дверям, Берт поспешил одёрнуть сестру за рукав кожаной куртки и картинно выпучил глаза, пытаясь всем своим видом показать, как он ошарашен этой внезапно открывшейся информацией. Вопреки

своей сдержанной натуре, Конни идеально точно повторила эту мину, часто кивая. Это был один из тех моментов, когда брат и сестра идеально понимали эмоции друг друга.

Уверенным движением госпожа Сапфир ухватила за массивную кованую ручку двери и потянула на себя. С лёгкостью, присущей разве что полым пластиковым рамам, огромная резная дверь подалась вперёд, гостеприимно пропуская новых хозяев в прохладное нутро замка.

– Наконец-то мы дома! – облегченно вздохнула дама, и голос её многократным эхом прокатился по высоким стенам роскошного парадного зала. На каблуке женщина обернулась к своим спутникам и развела руками по сторонам, как бы призывая их оценить новое жилище. – Добро пожаловать!

– Как же здесь можно жить? Это больше похоже на музей, – стараясь не допускать дрожи в голосе, произнесла Конни негромко. Зал был просторным и светлым во многом благодаря большим окнам, но вечером его, по всей видимости, должна была освещать старинного вида люстра, размером с прежнюю квартирку девушки. На серых каменных стенах висели пёстрые гобелены с изображениями причудливых мифических существ, чьи-то портреты в сложных толстых рамах и бронзовые канделябры. Но главным украшением этого помещения по праву можно было считать лестницу, широкую и застланную тёмно-красным тонким узорчатым ковром, с массивными каменными перилами, расходящуюся на-

верху в разные стороны.

– Поначалу могут возникнуть кое-какие сложности, – согласилась Севилла, – но вы привыкнете. К тому же я подготовилась. Полагаю, вам раньше не приходилось жить в домах с такой площадью?

– Да-а, – саркастично выпалил Берт, – наш предыдущий особняк был чуть поменьше. И больше в стиле скандинавского минимализма, знаете ли...

– Я так и поняла, – игнорируя язвительный тон Маршана, продолжала Сапфир. – В доме имеется внутренняя телефонная связь, поэтому вы всегда сможете связаться со мной и уточнить место ужина, например.

– А разве место ужина это не столовая?

– Конечно, это столовая, – усмехнулась дама, – но которая из?.. Здесь их около шести, не считая ещё пяти малых обеденных залов, двух оранжерей, внутреннего дворика и с десяток комнат отдыха, где также можно организовать трапезу. Лучше всё же уточнять, не правда ли? Но не переживайте об этом раньше времени, – женщина поманила брата и сестру за собой, направляясь из зала в правую арку, ведущую к соседнему помещению. Им оказалась красивая и не менее просторная гостиная насыщенного синего цвета. – Я подготовила для вас небольшие памятки с подробным планом расположения комнат и лестниц, чтобы вы не путались. Советую вам первое время всегда носить их с собой.

– А если мы потеряемся, через сколько суток нас найдут,

примерно? – не унимался Берт.

В синей гостиной было свежо и красиво. Конни с особым вниманием рассматривала мебель, которая, скорее, имитировала старинную, нежели являлась таковой, но идеально поддерживала атмосферу богатого убранства дома. Здесь были и стеклянные кофейные столики на кривых посеребрённых ножках, и мягкие удивительно яркие бархатные диванчики, а у стены возвышался огромный и сложный по конструкции сервант с витражными стеклами на дверцах шкафчиков. У окна стояли, глядя друг на друга, два кресла с высокими мягкими спинками, а между ними расположился круглый стол, у которого вместо ножки была необычная металлическая конструкция, напоминающая сплетённые ветки дерева. Именно на нём и лежали две небольшие пачки бумаг, аккуратно перетянутые фиолетовыми ленточками. Сапфир взяла их и протянула по одной каждому из Маршанов.

– Постарайтесь не потеряться, Адальберт, – обратилась она к Берту церемонно, – но, если уж так случится, походите по комнатам. В одной из них вы наверняка обнаружите телефон внутренней связи. Вот, как это работает... – она указала на винтажного вида посеребрённый телефонный аппарат, подвешенный возле серванта, подошла к нему и, покрутив колесо с цифрами, деловито произнесла в трубку, – Ива, подойди в синюю гостиную, пожалуйста. Жду.

– Куда вы звонили? – поинтересовалась Констанция, на-

бравшаяся смелости присесть на один из бархатных диванчиков.

– В столовую, где завтракает прислуга, – ответила Севилла, присаживаясь на диванчик напротив девушки. – Уже почти девять утра, поэтому Ива должна быть именно там. Придётся немного её подождать. Вы можете пока присесть рядом с сестрой, Адальберт. Не мельтешите...

– Прошу, – в два шага преодолевая расстояние от серванта к диванам, где сидели женщины, процедил Берт негромко, – не зовите меня Адальбертом, госпожа Сапфир. Берт вполне сойдёт...

– Господин Маршан вас устроит? Всё же предпочитаю сохранять некоторую субординацию, – своим мягким блюзовым голосом произнесла Севилла и, взмахнув рукой, смахнула с головы шляпку. Несколько чёрных выющихся пряжей выпали из причёски обрамляя чуть вытянутое лицо. Эта женщина с её элегантностью и безупречном стилем не только в одежде, но и умении подать себя выглядела куда более подходящей кандидатурой на роль хозяйки поместья, нежели эти двое белокурых наследников.

– Берт не любит, когда его называют полным именем, – пояснила Констанция, невольно подхватывая заразительную улыбку домоправительницы. Затем она бросила короткий взгляд на брата, который продолжал расхаживать взад-вперёд, рассматривая декоративные вазы и цветы в горшках. На самом деле, одет он был достаточно аккуратно и стильно. Да-

же дешёвые футболки и джинсы с кедами он умел носить так, что сошёл бы за аристократа, и в этом в очередной раз сказывалось его сходство с отцом, который и в полосатой пижаме, и в обрызганном красками фартуке умел выглядеть, словно персонаж дамских романов. Не мешала ему ни страшная (а на самом деле весьма ухоженная) чёрная борода, ни босые ноги, ни краска, вечно застревавшая меж пальцев и в ногтях, и женщины, одна за другой, теряли от него голову. Адальберта Маршана девушки любили ничуть не меньше, но, к счастью, ни одна ещё не успела сломать себе этим жизнь. Случайных детей за ним пока тоже не числилось, в то время, как Ян Маршан в его возрасте успел сделать сразу двоих. В один год с разницей в пять месяцев. От разных женщин.

– Почему же? Это прекрасное средневековое имя. Если же вы, господин Маршан, решитесь представляться фамилией Ди Гран, то станете четвёртым по счёту Адальбертом Ди Граном в истории данной семьи...

– ...м-м...спасибо, я подумаю, – буркнул парень хмуро. – Кстати, Конни тоже не очень жалуется, когда её зовут Констанцией...

– Я вовсе не против, – возразила сестрица. – Это просто непривычно.

– Лучше бы вам привыкнуть, госпожа Маршан, – без тени смущения проговорила Севилла, хмурясь, – потому что «Конни» звучит, как кличка для пастушьей собаки...

– Простите? – опешила от такого замечания девушка.

– Вы звали меня, мадам? – раздался тоненький мышиный голосок у неё за спиной, отвлекая госпожу Сапфир от этой беседы. Женщина резко встала.

– О, Ива, вот и ты!

Берт и Конни оглянулись, чтобы взглянуть на девочку лет пятнадцати, появившуюся в гостиной. У девочки было загорелое остроносое лицо, усыпанное веснушками, стриженные под каре рыжие кучерявые волосы и большие небесно-голубого цвета глаза. Ухватившись за края своего клетчатого льняного платица, она сделала неловкий реверанс перед гостями.

– Не надо паясничать, – без злобы произнесла Севилла, подходя к ней. – Познакомься с нашими новыми хозяевами. Это Констанция и...кхм...Берт Маршаны. Они внучатые племянники покойного господина Августа.

– Здравствуйте, – жадно разглядывая незнакомцев, пролепетала девчонка. – Я Ива!

– Ива и её младший братишка Леон – сироты. Я являюсь их опекуном, и мы вместе живём здесь, в поместье. Надеюсь, вы не против этого?

– Нет, мы не...

– ...в любом случае, – не давая брату с сестрой что-нибудь сказать, продолжала Севилла, – живём мы в той части дома, что принадлежит Виолетте Ди Гран. Ива выказывает своё намерение быть полезной дому, что её приютил, поэтому я позволяю ей здесь подрабатывать, не в полную силу и

не в ущерб учёбе, естественно.

– Ясно, – кивнули Берт и Конни, как бы подчиняясь воле этой решительной дамы.

– Раз так, то вам, Констанция, пригодится кое-какая помощь Ивы. Она покажет вам вашу часть дома, спальню и всё остальное. Я же пока сопровождаю вашего брата... чтобы он, не дай бог, не потерялся.

– Погодите, – остановил её Берт. – Что значит «ваша часть дома»?

– Согласно завещанию, дом находится в распоряжении трёх членов семьи Ди Гран, так? – кажется, Севилла немного устала от недогадливости молодого человека. – Август был очень умным человеком, способным распланировать всё на свете. У дома четыре стороны. Первый этаж и вся северная сторона – это общая территория. Виолетта жила и будет жить в западной части, а вам и вашей сестре, господин Маршан, будут предоставлены восточная и южная стороны соответственно.

– Южная моя?! – вспыхнула Констанция. – Это с видом на море?

– Да...

– Класс! – девушка вскочила с дивана и стремительно приблизилась к рыжей девочке. – Ива, води меня домой!

– Но, Конни, это же всё равно, что жить на разных улицах, – возмутился было брат, но постепенно сник и призадумался.

– В этом вся прелесть, дружище! – не скрывая восторга, выпалила девушка. – Созвонимся насчёт ужина и всё такое, хорошо?

– Конни...

– Веди меня, Ива, веди, пока он не включил свои щенячьи глазки! – Констанция поторопила свою провожатую, слегка подталкивая её обратно, к парадному залу.

– Я так быстро тебя достал, хочешь сказать? – уже исключительно ради шутки выпалил Берт им вслед, но Констанция строго-настрого велела Иве не оглядываться. Одна мысль о том, что её ждет огромное пространство южной стороны да ещё и без болтливого братца-острослова под боком отодвинула на задний план все прочие размышления. Не думалось ей уже ни о наследстве, ни о брошенной квартирке на чьем-то чердаке, ни о пугающем туманном облаке, пытавшемся обмануть их в пути. Она была поглощена этими холодными стенами, объята ими и согрета. Ей нужно было увидеть свою часть дома.

– Скажи, Ива, а Виолетта Ди Гран какая сама по себе? – спросила девушка, когда они с юной спутницей поднимались по главной лестнице. Звук их шагов полностью утонул в тонком ковре, делая их путь совершенно бесшумным.

– Она... – девочка запнулась и попыталась собраться с мыслями. По лицу её было видно, что даётся ей это не очень легко. Ива нахмурилась и смотрела куда-то в пространство.

На мгновение она даже остановилась, но затем снова продолжила путь и произнесла неуверенно, – она...очень необычная. Так говорит мадам Сапфир.

– И что, по-твоему, мадам Сапфир имеет в виду?

– Виолетта не очень любит бывать на улице, – пожалала плечами Ива и вместе с одним из изгибов лестницы повернула направо. Конни неторопливо шла с ней вровень. – Она очень бледная и не очень разговорчивая. Иногда она молчит по несколько дней к ряду, но мадам умеет её расшевелить, если нужно. К приходу гостей там...или еще чего...

– И часто здесь бывают гости?

– Захаживают, – запросто ответила Ива. Света стало заметно меньше – они шли по коридору без окон, который освещался лишь редкими настенными светильниками в форме свечей, но затем снова оказались в просторном и светлом помещении. Многие комнаты второго этажа оказались сквозными и полупустыми. Как пояснила Ива, за пару лет до смерти Август Ди Гран начал масштабные ремонтные работы, и в этот период были отреставрированы многие помещения, но скончался хозяин дома раньше, чем многие из них удалось заново обставить мебелью.

– Моя мама всегда говорила, что ремонт ещё надо как-то пережить... – вздохнула Конни и тут же ощутила легкий аромат краски.

– А где она сейчас? Почему не приехала с вами? – девочка явно почувствовала себя достаточно комфортно в этой бесе-

де. Она всё чаще оборачивалась и поглядывала на Константию, оценивая её одежду и внешние данные. Судя по всему, облик новой хозяйки Иву вполне устраивал, но и не вызывал в ней чувства глубокого восхищения.

– Она живёт своей жизнью, а я своей, – уклончиво высказалась Конни и приветливо улыбнулась рыжей собеседнице. Они в очередной раз свернули, на этот раз влево. Девушке казалось, будто идут они уже целую вечность, но выяснилось – они только сейчас свернули в восточную часть дома.

– Это ведь территория Берта, верно?

– Ага, – кивнула Ива.

– И нельзя попасть в мою часть дома, не пройдя её?

– Можно. У каждой стороны есть два собственных входа, – как ни в чем не бывало ответила девчонка, – можно было пройти через внутренний дворик – есть вход там. Так было бы очень быстро. А ещё есть чёрный ход, он ведёт со стороны моря и от оранжерей.

– И...почему же тогда мы идём здесь?

Ива резко остановилась и призадумалась.

– Не знаю, – растерянно пролепетала она. Они опять оказались в тёмном коридоре. Девочка загадочно осмотрелась по сторонам и прошептала осторожно: – Иногда я сама не понимаю, куда и зачем меня ведут эти коридоры. Понимаете, дом живой, и он, бывает, любит поиграть с теми, кто в нём обитает... Так что лучше бы вам не выпускать из рук

инструкций мадам Сапфир...

Глава 3

Конни не знала, что вымотало её сильнее – долгое морское путешествие или эти бесконечные коридоры, лестницы, повороты и двери замка. Тем не менее, Ива спустя полчаса всё-таки довела её до южной стороны этого огромного дома. По архитектуре своей и расположению помещений она мало отличалась от того, что было уже пройдено, и эффект запутанного петляющего лабиринта от этого только усилился. Комната, подготовленная для Констанции, была расположена на третьем этаже и на самом деле представляла собой целый комплекс помещений. В принципе это можно было бы посчитать отдельной квартирой внутри большого жилого дома. Здесь была своя собственная прихожая с двумя дверями и полукруглой аркой. Одна дверь вела в просторную кладовку, а вторая – в рабочий кабинет. Центральная арка прихожей вела непосредственно в спальню, а уже из спальни можно было попасть в ванную комнату и гардеробную.

Обставлено всё было соответственно масштабам: в кабинете стоял массивный стол на мощных дубовых ножках, к нему прилагалось столь же внушительное кожаное кресло и два высоких, но полупустых книжных шкафа. Главной героиней в спальне выступала огромная кровать с высокой замысловатой спинкой, в композицию которой сложнейшей ювелирной резьбой был вписан герб семьи Ди Гран. Её фор-

ма, конструкция и совершенная красота манили Конни к себе, как сирены зазывают на скалы корабли. Оставив чемодан в прихожей, девушка направилась сразу к ней.

– О-о-ох, Ива, знала бы ты, как я об этом мечтала... – развалившись на узорчатом покрывале, выдохнула Констанция и раскинула в стороны руки и ноги. Взгляд её упёрся в потолок – там не было люстры, но украшал его бледный рисунок с какими-то райскими птицами и цветами. Долго разглядывать это великолепие девушка не могла – глаза её закрывались сами собой. Она заставила себя привстать и встряхнула головой, прогоняя сон.

– Вы очень устали, да? – рыжая девчонка неуверенно мялась в арке между спальней и прихожей. Возможно, она всё ещё чувствовала себя виноватой за то, что повела новую хозяйку невесту каким путём.

– Именно, – кивнула Конни и не смогла сдержать зевков. – Мы долго плыли, а я просто ужасно переношу морские путешествия. Да и по замку ты меня поводила немало!

– Я же говорю вам, госпожа Маршан, это сам дом! Он запутал меня! – воскликнула Ива, оскорблённая неверием Конни, отказавшейся принимать тот факт, что старинные здания на Сен Линсее – это очень даже живые, а временами ещё и весьма вредные существа. – Позавчера я сломала во внутреннем дворике ветку магнолии, а садовник Годфри говорит, что за это замок меня проучит и запутает! Вот он и запутал...

– Садовник Годфри над тобой подшутил, – спокойно констатировала Констанция. – А сколько человек постоянно проживает в поместье, помимо мадам Сапфир и Виолетты Ди Гран?

– Годфри со своей женой Руфь живут в отдельном домике за оранжереями, – подумав немного, затараторила Ива, – Он – садовник, а она помогает на кухне господину Орману, повару, но он живёт в доме только по будням, а на выходные уезжает к своим детям в Порт Моро. Еще здесь живём мы с моим братом Леоном, у нас есть кот Лунатик. А горничные и другая обслуга приходят из Линсильвы утром и уезжают вечером. Здесь не очень далеко до города.

– Понятно, – кое-как переварила эту информацию Констанция. Она с трудом сорвала с плеч кожаную куртку и откинула её в сторону, затем, не расшнуровываясь, попыталась сбросить кеды. Ива молчаливо наблюдала за этим сложным процессом.

– Дом и вправду меня запутал... – наконец буркнула она себе под нос и принялась с очень обиженным видом ковырять стену.

– Раз ты так говоришь, то ладно, – смирилась Конни. В конце концов у детей всегда пользовались популярностью домыслы и фантазии, особенно если живёшь в таком живописном месте. Сейчас девушка не удивилась бы, если бы выяснилось, что по версии Ивы в замке имеется собственный

набор родовых привидений.

Она вспомнила, как однажды побывала на очередной выставке отца, отличавшейся от всех остальных его проектов кардинальной сменой стиля. Внезапно на смену живописным сказочным пейзажам и прекрасным изображениям разномастных красавиц пришли какие-то брызги, обмотанные марлей грязные холсты и просто разного рода мазня, которую в тот период обзывали модным словосочетанием «современное искусство». В день открытия в галерее яблоку негде было упасть, шампанское лилось рекой, а критики, то и дело останавливаясь возле очередного «шедевра», ахали, охали и подолгу замирали в одной позе, пристально вглядываясь в это странное месиво на белых стенах.

Конни и Берту тогда было по четырнадцать лет. Уже перед самым закрытием галереи они оба стояли возле большого прямоугольного холста, насквозь пропитанного красной, как кровь, краской. Казалось, кто-то просто прикрыл в стене глубокую кровоточащую рану, и с этого «пластыря» вот-вот начнёт капать на пол.

– Пап, что это такое? – спросил Берт, тыкая пальцем в жуткую картину. – О чём это?

– Ни о чём, сынок, – чуть заплетающимся от избытка шампанского языком отвечал отец. – Ну или о деньгах. Всё, что ты видишь в этом зале, только о деньгах...

– Разве это продаётся? – ещё больше недоумевал подросток, уже тогда отличавшийся своей въедливостью. Отец

лишь рассмеялся в бороду и похлопал паренька по плечу. Так и не получив ответа, Берт ушёл, не забыв осуждающе покачать головой.

– Я знаю, о чём она, пап, – тяжело вздохнула Конни, когда брат отошёл на достаточное расстояние, чтобы не слышать их. Отец взглянул на неё своими мутными от алкоголя глазами и тепло улыбнулся.

– Правда знаешь, милая?

– Это не о деньгах, – дочь кивнула. – Это про маму Берта. Ведь правда?

– Дорогая моя Констанция, – произнёс Маршан так чётко, как был на тот момент способен, и положил обе своих массивных ладони Конни на плечи, – у тебя есть редкий дар видеть смысл там, где его не видят другие. И даже тогда, когда кажется, что его и быть-то не могло. Знаешь, мне твоя бабушка всегда говорила

– «у всякой тайны есть человеческая душа»...

– Что это значит?

– Это ты мне скажи, моя умница! – Ян Маршан пригнулся так, что его лицо было вровень с лицом дочери. Конни почувствовала запах алкоголя и неприятного одеколona, который в тот период регулярно дарилa ему новая жена. Сложно было сказать, какой из этих ароматов раздражал девушку сильнее, но она всё равно подалась вперёд и крепко обняла отца. Все полотна с той выставки были распроданы в течение нескольких месяцев, и это позволило художнику отправить-

ся в очередное путешествие за вдохновением, чтобы начать писать всё те же прекрасные пейзажи и портреты красивейших женщин. А через пять лет его не стало.

И примерно тогда же Конни начала забывать, каково это – во всякой тайне видеть человеческое лицо. Она больше не ходила на выставки, не рассматривала картины и старалась не задумываться о потайном смысле вещей. Так было правильнее, ведь с уходом из жизни Яна Маршана её собственная жизнь стала стремительно усложняться по всем фронтам. Ей не досталось ни одной его картины, только несколько черновиков, которые она вынуждена была распродать в следующие несколько лет. Время от времени мир вспоминал о великом Яне Маршане, и тогда в её повседневность с шумом врывается тот или иной журналист, режиссер-документалист или писатель. Все ждали от неё эксклюзивных интервью, откровений и тайн. Сначала это оскорбляло, но впоследствии стало неплохим финансовым подспорьем. Но ни одному биографу она так и не рассказала, что же на самом деле означала та странная картина. Не сказала даже брату, во многом ещё и потому, что сама перестала в это верить.

– Здесь в прихожей есть телефон, вот, – тоненький голос Ивы вырвал Констанцию из подступающей дрёмы. Кажется, она была вымотана настолько, что засыпала даже сидя.

– Чем вам мобильная связь не угодила? Зачем эти сложности? – сонно проворчала Конни.

– Сотовая связь здесь не работает, госпожа Маршан, – рас-

смеявшись, выпалила Ива. – Вы не знали?

– На всём острове?!

– Не-е-ет, только в поместье. Мадам Сапфир говорит, это какая-то электромагнитная аномалия или что-то в этом роде... – девочка пожала плечами. – Если спуститься в город, в Линсильву, то связь появится. Там и интернет есть, а у нас нету...

– М-да, Берта это не обрадует, конечно, – протянула Конни, оценивая перспективы. Получается, ему предстояло не только жить в своей огромной части замка в одиночестве, но ещё и без сотовой связи и интернета. Будучи личностью весьма экстравертной, парень уже сейчас должен был бы заходиться в истерике.

– Впрочем, может это пойдёт ему на пользу! Снова начнёт читать книги и рисовать, если не сойдёт с ума в следующие сутки...

– Господин Маршан умеет рисовать? – Ива чуть осмелела и решительным шагом прошла в спальню, усаживаясь в мягкое кресло у окна. – Он художник?

– По профессии – нет, но талант у него имеется. Наш отец был художником и многому Берта научил, – ответила Констанция, с ногами забираясь на постель. Ей хотелось бы спровадить девочку и без каких-либо свидетелей похрапеть в своё удовольствие, но пока она не решалась это сделать. – Берт рисует портреты, натюрморты, даже пейзажи. У него хорошо получается.

– А почему он этим не занимается профессионально?

– Не знаю, – пожала плечами Конни, хотя всё же догадывалась, в чем причина. Берт был внешне и по характеру очень похож на Яна Маршана, но меньше всего на свете ему хотелось бы становиться им окончательно. – А теперь скажи мне, Ива, во сколько у вас тут принято обедать?

– В половине второго, госпожа Маршан.

– Супер! – хлопнула в ладоши девушка и звёздочкой раскинулась на своем ложе.

– Вот тогда меня и разбудишь!

– Хорошего вам отдыха, госпожа Маршан, – Ива была немного разочарована тем, как внезапно оборвался её разговор с новой хозяйкой, но навязываться не стала. Тихонько она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь, а Констанция мигом провалилась в бездну долгого и глубокого сна.

Снилось ей, как всегда, что-то очень странное и, на первый взгляд, совершенно бессмысленное. Тем не менее, проснувшись от удушающей жары, первым делом девушка полезла в свой чемодан за пухлым кожаным блокнотом и ручкой. Перед глазами всё плыло (видимо, она слишком резко встала с кровати), дышать было тяжело, а двигаться ещё сложнее. Воздух в спальне был густым и горячим, как смола, помещение заполнял яркий свет полуденного солнца. Футболка и брюки прилипли к взмокшему от пота телу девушки, и она сильно пожалела, что поленилась раздеться перед сном. С большим трудом ей удалось стянуть с себя эти влаж-

ные тряпки, но не помогло. В горле першило. Каждый новый вдох обжигал лёгкие. Волосы спутались и бесформенными клоками облепили лицо.

Быстрыми кривыми линиями Конни вписала в блокнот дату и время сна, а затем добавила его краткое описание: «Призраки бродили по лабиринтам, фиолетовый кот прыгнул с Луны, а Берт срывал с кустов алые розы, одну за другой». Даже не перечитывая эту бессмыслицу, Конни сползла с постели и, проплывая сквозь плотный жаркий воздух, направилась в ванную. Голова её гудела, а тело подчинялось с трудом, суставы ломило – сказывались последствия долгого путешествия в тесной каюте парома.

Прохладная напольная плитка в ванной порадовала ступни. К счастью, окно здесь было закрыто плотной римской шторой, и поэтому помещение не нагрелось так сильно, как спальня. С минуту Конни стояла напротив умывальника, упершись руками в раковину, и не шевелилась. Она ни о чём не размышляла, её голова была чиста от посторонних дум, а неподвижность была связана с появившейся необходимостью возыметь прежний контроль над телом и немного отдышаться.

Наконец, когда подвижность и ясность ума более-менее вернулись к ней, Констанция залезла в глубокую белоснежную ванну и просто позволила холодной воде из душа поливать её снова и снова, пока не стало нестерпимо больно. Как ни странно, метод контрастного душа срабатывал безот-

казно, и уже через пятнадцать минут Конни была бодрa и даже весела, она бесстрашно вернулась в свою раскалённую спальню и, приложив немалые усилия, зашторила большие окна тяжёлыми синими портьерами. От всего этого процесса поднялась волна пыли, и девушка несколько раз звонко чихнула, но боевого настроения не растеряла. В её чемодане было совсем немного вещей, но Симеон В. предупредил их, что климат на Сен Линсей довольно тёплый, поэтому она взяла с собой, в основном, летнюю одежду и обувь. Нырнув в простенький хлопковый сарафан и сунув ноги в удобные босоножки, она рухнула в разогретое солнцем мягкое кресло у окна. Настенные часы в узорчатой деревянной рамке показывали время – «13:24». Через минуту в прихожей раздался пронзительный телефонный звонок.

– Констанция, я не разбудила вас? – в трубке послышался бархатный голос мадам Сапфир.

– Нет, я уже проснулась, – отвечала Конни. – Уже время обеда, я правильно понимаю?

– Если вы пришли в себя и голодны, то мы с Виолеттой будем рады, если вы составите нам компанию за обедом, – почти пропела домоправительница. – На втором этаже, в северной части дома есть чудесная столовая. На карте в выданной вам инструкции она обозначена как «малый теневой обеденный зал». Удобнее всего будет, если пройдёте через внутренний дворик, но обязательно возьмите инструкцию с собой. Договорились?

– Да, конечно.

– Превосходно. Мы будем вас ждать. Ваш брат также обещал прийти, поэтому постарайтесь не задерживаться.

Проблем с ориентированием на местности у Констанции никогда не было. Так уж сложилось, что она прекрасно запоминала улицы, осознавала направление сторон света и вообще никогда нигде не терялась. Более того, когда они с Бертом были совсем детьми, стоило невнимательному парнишке потеряться, и именно его сестру отправляли на поиски. По какой-то неведомой причине она всегда знала, где брат мог бы засмотреться, замечаться, задуматься и, как следствие, заблудиться. Он был полон ярких идей, и они всегда заманивали его на самые запутанные и туманные тропинки. Она же была его спасительным маячком, способным вернуть с небес на землю. Или хотя бы из бакалейного отдела в супермаркете обратно к родителям.

И не было ничего удивительного в том, что Конни с лёгкостью нашла лестницу, ведущую ко внутреннему дворику, в котором вовсю цвели нежно-розовые магнолии, украшая собою кривые ветви тюльпановых деревьев, пересекла его неторопливо, любуясь на каменные колонны галерей, да так и очутилась на северной стороне. Подробная инструкция мадам Сапфир вывела девушку на одну из внутренних лестниц, а затем и к распахнутым дверям малого теневого обеденного зала.

Не зря его называли тeneвым – света сюда проникало мало,

а вся мебель, включая обеденный стол, стулья и ковры, была под стать – тёмного винного цвета. В странном для столь раннего часа и жаркого дня полумраке царила атмосфера таинственности. Констанция с интересом шагнула за порог и осмотрелась, надеясь, что глаза скоро привыкнут к таким перепадам освещения.

Стол был уже сервирован на четверых, но никого за ним не было. Возможно, мадам Сапфир не рассчитывала, что Констанция разыщет это место так скоро?

– Вы быстро добрались, – раздалось из темноты, и Конни звонко вскрикнула от неожиданности. Она оглянулась в сторону, откуда исходил звук и чуть было не вскрикнула снова. Оказывается, там, в самом дальнем углу комнаты в узком кресле сидела фигура, которую запросто можно было бы принять за привидение. Она никак не отреагировала на столь бурную реакцию девушки и продолжала неподвижно восседать на своем месте.

– П-простите... – запнувшись, пролепетала Констанция, мелкими шажками приближаясь к своей загадочной собеседнице. Во мраке начали вырисовываться более чёткие очертания бледного лица и облачённого в чёрную одежду тела. Наконец, незнакомка шевельнулась и подалась вперёд. Слабое мерцание одной из ламп выхватило на свет необыкновенного фиолетового цвета кукольные глаза, обрамлённые длинными шёлковыми ресницами. Конни вспомнила слова Ивы о том, что другая наследница Августа не очень любит

солнечный свет. — ...вы Виолетта Ди Гран, верно?

— Верно, — совершенно бесстрастно отвечала девушка в кресле, напоминая всем своим видом ожившую фарфоровую статуэтку. — А вы Констанция Маршан. Мадам Сапфир отправилась на поиски вашего брата.

— Ясно. А почему вы сидите в темноте?

— Мне нравится, — Виолетта не шевельнулась, но в уголках её маленьких бледных губ мелькнуло что-то отдалённо похожее на улыбку. По крайней мере, Конни так показалось. Давать развёрнутое объяснение юная Ди Гран не стала, и в обеденной комнате повисло неловкое молчание. Впрочем, неловким оно было в основном для Констанции, а вот лицо Виолетты по-прежнему не выражало никаких эмоций, пугая своей бледной неподвижностью. От сердца у Конни отлегло лишь тогда, когда из коридора послышались голоса Берта и мадам Сапфир.

— Констанция, вы уже здесь! Я в вас не сомневалась, — приветливо произнесла Севилла, войдя в зал. Женщина сменила наряд, и теперь на ней было аккуратное синее платье классического кроя, одновременно сдержанное и элегантное. Чёрные волосы её были собраны в сложный пучок на затылке, но несколько волнистых прядей по-прежнему обрамляли вытянутое лицо. — А вот вашему брату всё-таки понадобилась кое-какая помощь... — Сапфир еле сдержалась, чтобы не закатить глаза и игриво улыбнулась.

— Я бы справился... — пробубнил под нос братец, появля-

ясь следом. Бегло он осмотрел помещение и с опаской остановил свой взор на сестре. – Как-то здесь мрачновато, неходите?

– Да, так и есть, – согласилась Севилла охотно и решительным шагом направилась к столу, – но Виолетта вбила себе в голову, что солнечный свет с полудня до четырёх часов дня может быть для неё чрезвычайно губительным, не так ли, мой дорогой ипохондрик?

– Всё так, – лениво отозвалась Виолетта из своего тёмного угла, и теперь настала очередь Берта визжать от испуга. Короткий крик оказался на удивление высоким, и хрустальные бокалы на обеденном столе звенящим эхом подхватили его. Маршан ухватился за сердце и нервно рассмеялся, осознавая, что в комнате всё это время пряталась незнакомая ему родственница.

– Прошу прощения! Я...я вас не увидел, – чуть ли не хоча (так всегда проявлялись у него последствия лёгкого шока), поспешил объяснить он. – Как вы меня напугали, чёрт возьми!..

– Берт, – сквозь зубы процедила Конни, надеясь, что братец не станет её позорить, и слегка подтолкнула его к столу, – не выражайся, пожалуйста!

– Да-да, ты права. Я был груб, – отдышавшись выпалил он.

– Ох, не стоит извиняться, господин Маршан, – небрежно отмахнулась от брата и сестры мадам Сапфир. – Это всё дурная манера Виолетты сидеть по тёмным углам! Сколько

раз я просила её так не делать!

— А я всё равно буду, — поднимаясь со своего места, произнесла Виолетта и плавучей походкой присоединилась к гостям за столом. Усевшись напротив Констанции и Адальберта, она апатично взглянула на них из-под своих шёлковых ресниц и добавила загадочным тоном, — ...это научит наших новых жильцов быть внимательнее...

— Перестань, — настойчиво попросила Севилла. Она явно не собиралась соблюдать субординацию, о которой говорила прежде, в отношении Виолетты Ди Гран. Более того, поведение девушки заметно утомляло и даже раздражало её.

— Вы с Виолеттой родственники? — догадалась Конни, оценивая внешнее сходство. Хотя Сапфир была загорелой и улыбчивой прекрасной дамой лет сорока пяти, а Виолетта больше походила на фарфоровую куклу викторианской эпохи, всё же лёгкое родство между ними просвечивало и в форме носа, и в необычном цвете глаз, а теперь в свете ламп было видно, что у юной Ди Гран были такие же чёрные, как смола, выющиеся волосы.

— Да, Ви — моя племянница, — улыбнулась Сапфир, — а вы очень наблюдательны, госпожа Маршан. Мало кто замечал, что мы похожи. Многие очень удивляются, узнав о нашем родстве.

Через несколько минут был подан обед. Его на сверкающей серебряной тележке привезла приветливая дама в аккуратной униформе, которую мадам Сапфир представила как

Руфь. Позже домоправительница обещала познакомить наследников с поваром, господином Орманом, который, по её заверениям, был одним из лучших поваров на всём острове.

Поскольку последствия морской качки давно прошли, Конни ощутила острый приступ голода, лишь взглянув на еду, которую аккуратно расставляла Руфь перед ними. В качестве первого блюда недолго пробыл на столе сливочный суп из морепродуктов, вкуса которого ни брат, ни сестра потом вспомнить так и не смогли – настолько быстро он исчез из тарелки. Вторым блюдом оказался стейк из тунца, щедро приправленный какими-то местными травами, и овощной салат, осыпанный сочными гранатовыми семечками. По хрустальным бокалам Сапфир с гордым видом разливала местное вино насыщенного рубинового цвета.

– Покойный Август Ди Гран, как и его предшественники, был совладельцем очень многих предприятий на острове, – рассказывала она с нескрываемой гордостью. – В том числе виноградников и виноделен. Один из важнейших продуктов экспорта на Сен Линсей – совершенно изумительное гранатовое и ежевичное вина. Технология производства не имеет аналогов в мире. Эти напитки подают президентам и королевским особам по всему свету.

– Как интересно... – внимательно разглядывая жидкость в бокале, отозвался Берт. Осторожно он поднёс бокал к лицу и вдохнул аромат вина. Это могло бы показаться очередной его театральной выходкой, но на самом деле нюх у Маршана

был отменный, почти собачий, и в качестве вин он на удивление хорошо разбирался. Конни замерла в ожидании его вердикта. — Действительно гранат, а ещё есть оттенок розмарина и...не могу понять...похоже на смолу какого-то дерева. Очень сложный букет. Ни на что не похоже.

— Господин Маршан, вы меня приятно удивляете! — расплылась в восторженной улыбке Севилла.

— У Берта вообще много талантов, — подтвердила Констанция. — Он ещё не раз вас удивит...

— Теперь и у вас есть доля в этом бизнесе, — впервые за всю трапезу Виолетта вновь подала голос. Она отложила в сторону ложку, которой всё это время без энтузиазма водила по тарелке с супом, и подняла взгляд на Берта. — Если вам нравится виноделие и всё, что с ним связано, могу уступить вам и свою долю. Хотите?

— Да! — выпалил парень, не раздумывая.

— Нет! — сию же секунду Сапфир и Конни воскликнули хором, но если первая рассчитывала пресечь странное поведение племянницы, то вторая в очередной раз поспешила одернуть чрезмерно лёгкого на ответы братца. Он лишь рассмеялся.

— Конни, успокойся ты! — улыбаясь, отмахнулся он. — Она же не серьёзно...

— Почему же? — юная госпожа Ди Гран пожала своими хуленькими плечами. — Я не шутила. Я готова пожертвовать этой частью дядюшкиного наследства, если вы взамен взяли

бы на себя кое-какие мои обязательства...

– Так. Ладно, – теряя свою ухмылку, напрягся Берт. – В чём подвох?

– Берт! – Конни чуть не опрокинула свой бокал в очередной попытке дотянуться до плеча брата и хорошенько стукнуть его. – Даже не думай!

– Да уймись ты! – выпалил он, уворачиваясь от сестры, и, подавшись вперёд, обратился к Виолетте. – Госпожа Ди Гран, я не приму ваше предложение, но оно звучит так заманчиво, что вы просто обязаны рассказать нам все детали. И так, в чём же подвох?

– О боже...как же я устала! – Севилла закатила глаза и одним махом опустошила свой бокал. Видимо, это её чуть успокоило, и, откинувшись на спинку стула, она лениво дала племяннице отмашку, мол, она может говорить всё, что пожелает.

– Упоминала ли мадам Сапфир, что наш с вами общий предок, Линсей Ди Гран, был основателем первого поселения на этом острове, который теперь носит его имя? – после долгой паузы, во время которой Виолетта то ли нагоняла таинственности, то ли собиралась с мыслями, девушка всё же заговорила с присутствующими вновь.

– Святой Линсей, ага, – кивнул Берт с нескрываемым интересом.

– Святым он не был, – поспешила поправить его Виолетта, – по крайней мере, не официально. Ни одна христианская

конфессия его так и не канонизировала. Я даже не уверена, что такие попытки всерьёз предпринимались...

– Но остров-то назван в честь святого...

– Да, это довольно мило, – Виолетта почти улыбнулась. Точнее, это почти стало заметным, но в остальном её манера речи оставалась всё такой же безэмоциональной и однотонной. – Местное население настолько крепко было убеждено в величии и невероятном чудесном даре Линсея Ди Грана, что иначе как святым они его и не считали. А любые попытки гостей с материка и всяких горе-колонизаторов переубедить их пресекались самым категоричным образом. В общем и целом, здесь образовалось что-то наподобие секты или даже отельного религиозного учения, согласно которому Линсей был чуть ли не божеством. Звучит угрожающе для современного человека, но, уверяю вас, это всё довольно безобидно, если не пытаться вмешиваться и кому-то что-то доказывать.

– Мило, – проговорила Конни с сомнением. – И...какое это имеет отношение к винодельням?

– Всё, что связано с Линсеем Ди Граном, имеет отношение ко всему на этом острове, – ответила Виолетта, – к винодельням, к шахтам, фабрикам, к лесам, охотничьим угодьям и озёрам. Долящиками каждого второго предприятия на Сен Линсей является семья Ди Гран. То есть теперь это вы и я. Но у вас, в отличие от меня, есть два преимущества.

– И каких же?

– Во-первых, вы оба – типичные Ди Граны. Позже мадам Сапфир покажет вам семейные портреты, и вы поймёте, что похожи не только на своего отца. Перед вами представит вереница светлоглазых белокурых людей, в каждом из которых вы узнаете и себя, и вашего покойного батюшку, и почившего Августа, и самого Линсея Ди Грана, конечно же. По местным представлениям, лишь те потомки, что наследуют черты своего великого предка, являются подлинными хранителями его чудесных талантов. Уж не знаю, умеете ли вы исцелять больных или просто хорошо поёте в караоке, но любое проявление вашей одарённости население острова непременно воспримет, как чудо из чудес. Что касается меня, то мне не повезло или, наоборот, повезло родиться совсем не солнечной блондинкой, поэтому меня местные воспринимают то с опаской, то с лёгкой брезгливостью.

– ...это должно быть довольно неприятно? – проявляя сочувствие, произнесла Конни осторожно. По каменному лицу Виолетты невозможно было понять, огорчает её сей факт или нет.

– Меня не сильно это волнует, – объяснила она, и, надо признать, поведение её полностью соответствовало этому утверждению. – Возможно, моя мать нагуляла меня на стороне. Но какая теперь разница?

– Ох, Ви, следи за языком... – подливая в бокал вина, лениво проявила себя мадам Сапфир.

– Прошу прощения, тётя, – голосом робота извинилась

юная госпожа Ди гран и столь же хладнокровно продолжила свой рассказ. – Ваше первое преимущество в сходстве с Линсеем, а второе в том, что вы привыкли к жизни в обществе. Пока был жив дядя Август, он брал на себя все обязательства по общению с населением. Я предпочитаю жизнь максимально уединённую, и он меня в этом поддерживал, но понимал, что острову нужны Ди Граны. Нужны на открытиях крупных производств, на важных праздниках, в местных новостях и просто на виду. Когда его не стало, я с ужасом осознала, что теперь эта ноша перейдёт ко мне. Поверьте, я готова отдать многое из своей доли наследства лишь бы избавить себя от этого. Не говоря уже и том, что местные жители вряд ли захотят видеть именно меня в качестве символа святого рода Ди Гран.

– Поверьте, это совсем не такое обременительное дело, как говорит Виолетта, – заговорила Севилла, когда её племянница окончила свой монолог. – Эта девочка настолько ненавидит бывать на людях, что даже этот обед она, должно быть, считает вечеринкой.

– Будь нас вдвое меньше, мне было бы комфортнее, – согласилась та мгновенно.

– Вот видите? – мадам Сапфир неуклюже взмахнула рукой. Три бокала вина слегка убавили изящества в образе женщины. Она попыталась выровняться на стуле и принять уверенную позу, но это только сильнее подчёркивало её пьяненькое состояние. – На самом деле, Август максимум раз в

месяц участвовал в каком-нибудь празднике или открытии, а бывали периоды, когда его по полгода никуда особо не звали. Люди здесь ценят приватность в целом, но всё же и очень любят Ди Гранов...кхе...в целом.

– Знаете, Виолетта, – подумав немного, заговорил Берт, – я совсем не против взять на себя этот труд. И мне даже не нужна ваша доля наследства.

– Вы говорите серьёзно?

– Абсолютно, – кивнул молодой человек. – Мои финансовые проблемы решены, работа и друзья остались на материке, а ещё сегодня я узнал, что в замке нет ни сотовой связи, ни интернета. Так что если у меня не будет здесь никаких дел и обязательств, то я уже через недельку покончу с собой от тоски, а вы ещё долго не найдёте моё бездыханное тело в этих жутких коридорах и лабиринтах.

– Я не понимаю вас, как не поняла бы существо с другой планеты, – честно призналась Виолетта, – но вы стали бы моим спасением, Берт.

– Смелое заявление, господин Маршан, – подхватила Севилла с интересом. – а вы что скажете, Констанция? Стоит ли вашему брату браться за это? И, быть может, вы составите ему компанию?

– В принципе, я не против, – Конни немного расслабилась. Судя по всему, брат вовсе и не собирался позорить её. Более того, его отношение к Виолетте и её проблеме показалось ей очень даже трогательным. Оказывается, был на свете

кто-то, более противоположный по характеру Берту, чем сама Конни, и даже с этим человеком он умудрился наладить контакт. Как бы сильно он не раздражал порой, а не любить этого юношу было невозможно. – И когда, по-вашему, нас начнут обожать?

– Сразу же, как увидят, – усмехнулась Севилла. – Виолетта права, вы типичнейшие потомки Линсея! Как только о вашем приезде станет известно, островитяне голову потеряют от восторга. И очень многие захотят на вас поглазеть, поэтому советую вам сегодня спуститься в город, в Линсильву, и погулять в своё удовольствие. Пока есть возможность остаться незаметными.

– Неплохая мысль, кстати говоря, – задумалась Констанция. – Мы прекрасно пообедали, а теперь можно и прогуляться. Наверняка в Линсильве есть на что посмотреть. К тому же погода весьма хороша...

– В самый раз для тех, кому нравится жариться на сковороде, – не забыла озвучить своё мнение Виолетта и еле заметно нахмурилась. – Но если пойдете в Линсильву, то на самом подходе к городу есть лавочка под названием «тюльпановое дерево», зайдите туда обязательно.

– А что там продают?

– Травы и цветы, в основном, – поспешила вновь вступить в разговор Севилла, – на Сен Линсей весьма популярна древняя народная медицина, наравне с современной.

– Как интересно, – Конни допила своё вино и только те-

перь в полной мере ощутила его вкус – на удивление сладкий и немного терпкий с необыкновенным пряным шлейфом. От такой непривычной гаммы ароматов и впечатлений у неё немного закружилась голова, а жаркий полумрак обеденной комнаты это состояние только усугубил.

– Что ж, решено! – рядом звонко хлопнул в ладоши брат. – идем в Линсильву! Поскорее к цивилизации...

– Раз так, – Виолетта в последний раз за время обеда подала голос, – принесите мне из «тюльпанового дерева» подарок по случаю знакомства. Я буду рада симпатичному букету розового бессмертника, Берт.

– Всё, что пожелаете, Виолетта! – обаятельно воскликнул Маршан и поднял бокал за свою новую родственницу. Конни показалось, что этот его жест заставил фарфоровую девушку на мгновение просветлеть и улыбнуться, но это видение испарилось так быстро, что за его подлинность Констанция поручиться не решилась бы.

– Госпожа Сапфир, – в дверях обеденной комнаты вновь появилась Руфь и нерешительно позвала домоправительницу.

– Надеюсь, ты не насчёт десерта, дорогая? Не думаю, что наши гости осият ещё одно блюдо, – улыбнулась Севилла.

– Нет, мадам, – Руфь виновато посмотрела на присутствующих и коротким поворотом головы вновь подозвала начальницу, а затем скользнула в коридор так, что теперь присутствующим было видно лишь её плечо и края униформы.

– Прошу меня извинить, друзья, – нехотя поднялась со своего места госпожа Сапфир и на тяжёлых от избытка вина ногах вышла из комнаты. Отошли они не очень далеко и шептаться тоже не особенно пытались, поэтому странные обрывки их разговора долетели и до ушей Конни с Бертом.

– Это прислали из городского управления, мадам, – боязливо произнесла Руфь. С мгновение они молчали, и по контексту стало понятно – Севилла что-то читает.

– М-да...неприятно... – вздохнула домоправительница, и послышалось шуршание бумаги. – Посыльный ещё здесь?

– Да.

– Отправьте с ним обратно сообщение с нашими сожалениями по поводу случившегося и надеждами на скорое разрешение ситуации, но не более. Избегайте любых упоминаний приезда наследников. Господин и госпожа Маршан хотят сегодня выйти в город. Незачем беспокоить их раньше времени.

– Но...мадам, разумно ли отпускать их на прогулку по местности, когда такие вещи... – запинаясь и мямля, попыталась возразить Руфь, но постепенно сникла. Видимо, пронзительный взгляд васильковых глаз Севиллы умел отдавать приказания весьма красноречиво и без помощи слов.

– Не драматизируй, Руфь, – с нажимом отвечала дама. – Иди и сделай, как я сказала.

– Да, мадам.

Глава 4

Воздух плавился от жары, и у местных цикад, могло стать-ся, поехала крыша от такой погоды, потому что стрекотали они просто оглушительно громко. За этим оркестром затерялись все прочие шумы, поэтому дорога до Линсильвы напоминала брату и сестре Маршан что-то вроде парадного шествия. Они шли, а насекомые сопровождали их путь своим торжественным пением.

В остальном же их больше никто не тревожил. Только невыносимая жара, припекавшая головы, но вскоре сообразительная Конни нашла тенистую тропинку, и идти стало немного легче. К шумной болтовне цикад они быстро привыкли, и теперь шли, вдыхая ароматы древесных масел и цветущих жасминов.

От замка Ди Гранов до Линсильвы было всего три километра пути, поэтому дорога предстояла недолгая. Мадам Сапфир указала им направление и попросила вернуться к шести часам, к ужину. Ей очень хотелось познакомить новых хозяев с поваром и садовником. Она долго нахваливала кулинарные шедевры первого и великолепную работу в оранжерее второго, пока провожала Маршанов до кованых ворот поместья.

Дальше они шли без неё и практически не разговаривали. Оба с интересом оглядывались по сторонам, любуясь на ве-

ковые деревья, поражающие своими яркими красками цветы и петляющие тропинки, усыпанные гравием.

– Знаешь, Берт, – заговорила Конни, наконец, – будь у меня талант художника, вроде твоего, я бы сегодня же накупила холстов, кистей да красок. Ты только посмотри, какие здесь пейзажи...

– Не знаю, о каком таланте ты говоришь, – пожал плечами парень, – но места и вправду живописные. Может, мне увлечься фотографией?

– Не говори ерунды! – отмахнулась сестрица пренебрежительно. – Ты на удивление ужасно фотографируешь. У меня на всех фотографиях то ноги обрезаны, то полголовы, то нос размером с гору...

– Дело не во мне! Помнишь, как отец говорил? Это у тебя нет художественной красоты!

– Да пошёл ты! – под мелодичный хохот брата, Конни попыталась толкнуть его, но не смогла даже сдвинуть. Он всегда был на удивление крепок при кажущейся худобе. На самом деле Берт был сухощавым и жилистым, а вовсе не тощим, но скрывал он сей факт за одеждой весьма профессионально. Сколько школьных хулиганов пострадало из-за этой хитрой иллюзии – не счесть. Физические данные Констанции же точно соответствовали её внешности – коренастой и крепкой при весьма скромном росте. В остальном они запросто могли сойти за близнецов, коими их частенько и считали.

– Гляди-ка, Конни! – Берт махнул рукой куда-то вперёд,

и девушка с интересом оглянулась. Узкая тенистая тропа, по которой они следовали в город, впереди примыкала к более широкой выложенной камнем дороге. Растительности становилось меньше, а на горизонте один за другим начинали вырисовываться активно поросшие вьюнком домики и сараи. – Это Линсильва? Похоже на деревеньку, а не на один из крупнейших городов...

– Это же островной город, тут всё должно быть иначе. К тому же, мне кажется, это что-то вроде окраины, – рассудительная Констанция уверенно двинулась навстречу незнакомым ей улочкам, издавелека напоминавшим иллюстрации к сказкам братьев Гримм.

Одним из первых на их пути явился очень скромный деревянный домик, но окруженный невероятно роскошным, переполненным зеленью и пестрыми цветами, садом. Над высокой чуть покривившейся калиткой висела деревянная вывеска с надписью: «тюльпановое дерево».

– Ага, вот и лавка, о которой говорила Виолетта, – констатировал Берг, деловито упирая руки в бока. – Пойдём?

– Сразу? Может лучше на обратном пути?

– Ты думаешь?.. – засомневался братец. Волшебный сад вокруг домика, конечно, был чрезвычайно красив, но оглядеть и другие постройки этого игрушечного городка ему тоже очень хотелось. К счастью, его сомнения миглом разрешились, как только там, среди кустов шиповника, показалась фигура весьма примечательного садовника. – Нет, знаешь

что? – засуетился Берт, – это неправильно! Я же пообещал нашей очаровательной родственнице, что куплю ей эти цветы. А что если мы потом устанем или забудем? Лучше не рисковать.

– Ты неисправим, – хмыкнула Конни, обо всем догадавшись. – Ладно. Иди за своим букетом. А я пока прогуляюсь по округе. Поспрашиваю у местных, как можно попасть в центр.

Выложенная галькой дорожка от калитки к дверям лавочки была короткой, но живописной. На веранде у входа стоял чуть покосившийся деревянный стол с аккуратно расстеленной пергаментной бумагой, а на нём стройными рядами были разложены какие-то пучки трав, цветы и солома. Дверь была открыта настежь, и из дома в жаркий день вливался насыщенный густой запах, вобравший в себя целую коллекцию оттенков, где было место и пряной гвоздике, и душице, и терпкой герани, и волшебной лаванде. Берт никак не мог понять, что это больше ему напоминает: парфюмерный заводик, кухню какого-нибудь экзотического ресторана или аптеку. Пожалуй, всё сразу. Осторожно он переступил порог, ощущая приятную прохладу и ещё один дополнительный аромат – насыщенный древесный. Теперь именно он, по праву хозяина, доминировал над всеми остальными запахами.

Внутреннее убранство лавочки напоминало мастерскую какого-нибудь мага-алхимика. Невероятное количество ба-

ночек, скляночек и бутылок всех форм, цветов и размеров наполняли стеллажи вдоль двух боковых стен от пола и до потолка. В центре просторного помещения лежали деревянные ящики, доверху забитые свёртками из тёмной пергаментной бумаги, аккуратно перетянутыми бечёвкой с треугольными ярлычками. Осмотревшись и не увидев в лавочке ни хозяина, ни посетителей, Берт с интересом потянул один из этих ярлычков на себя. Аккуратным женским почерком на нём было написано «Лаванда сушёная. Сбор: 1 августа, растущая луна». Видимо, Сапфир не лукавила, утверждая, что народная медицина на острове пользовалась спросом. Почти всем сборам, попавшимся ему на глаза, было не больше недели.

Находиться в этом странном местечке было приятно и волнительно одновременно. Маршан не мог припомнить, когда в последний раз заглядывал в подобные заведения и заглядывал ли вообще. Всё ему здесь казалось новым и знакомым одновременно, словно он или читал об этом или видел в кино. В любом случае каждую интригующую его деталь интерьера он разглядывал жадно и с огромным интересом. Ему нравилось проводить рукой по фактурной деревянной поверхности прилавка и ещё больше нравилось то, как дневной свет, жаркий и пронзительный, лишь наполовину заполняет пространство, решительно пробиваясь через открытую дверь и небольшое окно с льняными шторками. В нём проснулся художник, которого Берт так тщательно скры-

вал от самого себя все последние месяцы. Конни была права насчёт холста и красок, но этого всё равно было бы недостаточно. Картины могут быть прекрасны, но даже генов великого Яна Маршана не хватило бы Берту, чтобы передать миру эти ощущения, эту наэлектризованную атмосферу и эти магические запахи, которыми были пропитаны даже пылинки, что лениво плавали в раскалённом воздухе.

– О, добрый день! – донеслось из противоположной от входа стороны. В узкой арке появилась молодая женщина с корзинкой, полной маленьких синих цветов. Берт обернулся ей навстречу, готовый выдать весёлое и жизнерадостное приветствие, открыл было рот, но ничего не произнёс. Так и замер, любясь явившейся ему красотой. Да, это была точно она. Та самая особа, чью огненно-рыжую копну и благородный профиль он мельком видел среди шиповников. Значит, не показалось...

– Вам...помочь? – со смешливой улыбкой продолжала незнакомка. Зелёные и сверкающие, как изумруды, её глаза были, пожалуй, самым прекрасным, что Берту доводилось видеть на этом острове. А ведь он видел и замок, и бесконечную морскую гладь, и самшитовый лес, и этот сад за окном лавочки. Ничто не могло сравниться с этой колдовской красотой, и мысленно парню пришлось признать – самое время покупать кисти и краски. В нём окончательно заговорило наследие отца.

– Да! – после уж слишком затянувшейся паузы выпалил

он и улыбнулся так широко и резко, что лицо потом долго болело. – Мне нужен...эм...букет?

– Это вопрос? – красавица хитро сощурилась, играя и явно выигрывая с гостем в гляделки. Её густые рыжие волосы были аккуратно собраны на висках, открывая безупречное загорелое лицо, а на носу задорно пестрили веснушки. Берт чувствовал, как кровь приливает к его щекам и ушам, но вряд ли мог с этим что-то поделать. Да и вряд ли хотел. Он без всякой застенчивости любовался своим потрясающим открытием, задвигая на второй план все прочие впечатления от Линсильвы.

– Мне совершенно точно нужен букет, – сказал он весело. Незнакомка отставила в сторону свою корзину с цветами и, подойдя к прилавку, деловито скрестила руки на груди.

– Я, конечно, вам что-нибудь подберу, но вы ведь в курсе, что это не цветочный магазин? И что бы вам ни говорила ваша пассия, но дамы всегда предпочитают дорогие и красивые букеты. Розы, к примеру, или пионы...

– А как же все эти байки про очарование ромашек и полевых цветов?

– Придуманные и растиражированные неуверенными в себе девицами мифы, только и всего, – красавица пожала плечами и вновь лучезарно улыбнулась.

– Я так и знал, – театрально вздохнул Маршан и покачал головой, подыгрывая этому во всех отношениях замечательному разговору. – Скажите честно, это какой-то тайный жен-

ский заговор? И каковы его цели?

– Этот заговор есть ни что иное, как великое заблуждение некоторых женщин, будто бы, если дать мужчине возможность сэкономить на ухаживании, то он полюбит её сильнее, – уверенно отвечала девушка.

– А это не так?..

– Конечно нет. Любовь – понятие неисчисляемое, а значит, её не может быть больше или меньше. Она может только быть либо не быть вовсе. Итак, какие цветы вы бы хотели подарить своей даме?

– Розовые бессмертники, пожалуйста, – смеясь, выпалил Берт.

– Так конкретно? – изумилась хозяйка лавки, вскидывая свои изящные брови.

– Моя тётушка просила именно их, – кивнул парень.

– Ах, тётушка! Тогда всё ясно, – в глазах красавицы танцевали дьявольские огоньки. И в помещении словно стало немного жарче. – Бессмертник сухой или свежий?

– Свежий.

– Одну минуту, – подняв указательный палец вверх, попросила девушка и скрылась в узкой арке. Через некоторое время она вернулась с зелёным пучком мелких цветков приятного розово-сиреневого оттенка и конвертом из тёмной пергаментной бумаги. Маршан приблизился к прилавку и с интересом наблюдал за каждым движением девушки, принявшейся ловко упаковывать покупку. – И надолго вы при-

ехали погостить у тётушки? – не отрываясь от процесса, поинтересовалась хозяйка.

– Пожалуй, надолго, – уклончиво ответил Берт и поспешил развернуть беседу несколько иным образом. – Как местный житель, скажите мне честно, по шкале от одного до десяти, насколько приедем я выгляжу?

– От одного до десяти? – девушка вскинула голову, и пружинистая рыжая прядь упала ей на лицо. Звучно сдвув её, незнакомка выпалила уверенно: – баллов на двадцать!

– Серьёзно? Неужели всё так плохо?

– Не плохо, но заметно. А откуда вы? Из какой части острова?

– По правде говоря, не из какой. Я приехал с материка, – признался Берт, непроизвольно подаваясь вперёд, чтобы ещё ближе рассмотреть безупречное девичье личико хозяйки. Её это ни капли не смутило, а вот слова молодого человека произвели некоторое впечатление. Девушка оторвалась от процесса заматывания конверта бечёвкой и с интересом оглядела посетителя.

– Странно... – вдруг она нахмурилась и чуть отстранилась. – И вы в первый раз на Сен Линсее?

– Именно так.

– И как вам у нас?

– Пока мне всё нравится, но мы приехали только этим утром...

– С тётушкой?

– Нет, с сестрой.

– Так ваша тётушка из местных?

– Да, вроде того, – согласился с этим утверждением Маршан. Только сейчас он поймал себя на мысли, что называет Виолетту «тётушкой», порождая при этом весьма спорный образ в представлении собеседницы. Фактически, бледная восемнадцатилетняя родственница приходилась ему двоюродной тётей, но объяснять все нюансы ему было лениво даже самому себе, не говоря уже о том, чтобы вдаваться в долгие и занудные рассуждения в присутствии этой рыжеволосой нимфы. Да и выдавать свою принадлежность к Ди Гранам раньше времени тоже не стоило. Кто знает, как к такой новости отнесутся неподготовленные обитатели этого благоухающего городка.

– Что ж...тогда я наверняка с ней знакома. Это кое-что объясняет, – выдохнула хозяйка и протянула покупателю готовый свёрток. – Ваш розовый бессмертник. Свежайший.

– Спасибо. Сколько я вам должен?

– Двенадцать ирм. Вы ведь уже обменяли валюту? Ни евро, ни доллары тут у вас никто не примет.

– Да, Симео...а-кхм...один мой друг помог мне с обменом. Симпатичные у вас купюры, кстати говоря, – открывая свой потрёпанный, но всё такой же любимый кошелёк из грубой кожи, говорил Берт. Деньги на Сен Линсее назывались «ирмами» и представляли собой чуть узковатые по сравнению с другими валютами бумажки с пёстрыми изображени-

ями каких-то растений и пейзажей. Монетки были достаточно простыми с одной стороны и украшенными сложным растительным узором – с другой.

– Благодарю, – с улыбкой хозяйка приняла плату, а затем протянула руку через прилавок, подавая её Берту в качестве приветствия, – я Роза.

– Берт, – пожимая тёплую ладонь красавицы, ответил Маршан и тут же почувствовал, как его собственные ладони становятся влажными. Не подавая виду, он, всё так же приветливо улыбаясь, отёр их об свои брюки. – Очень рад знакомству, Роза!

– Взаимно, – девушка сияла, как живое солнышко, – выпьете со мной чаю, Берт? Или торопитесь к тётушке?

– Не тороплюсь, а чай люблю больше жизни, поэтому выпью с превеликим удовольствием...

– Как вы витиевато выражаетесь! – усмехнулась хозяйка, выходя из-за прилавка. – Чувствую, вас здесь полюбят. Лично я всегда рада новым лицам в Линсильве!

Отворив одну из дверей своих бесчисленных шкафчиков, Роза взяла с полки медный чайничек и пару кружек, а затем направилась к узкой арке, что вела вглубь дома. На пороге она остановилась и позвала гостя за собой.

Оказалось, весь первый этаж дома занимало рабочее пространство Розы. За основным помещением, откуда они вышли, оказалось складское, где полки, банок, корзин с цвета-

ми и целых охапок разного рода сухостоев было ещё больше. Тем не менее, всё было рассортировано в строгом порядке, поэтому не возникало ощущения какой-либо тесноты или хаоса. Дальше была кухня, но явно не та, где готовят завтрак, обед и ужин. Под потолком тут висели букеты сухой лаванды, ожерелья из лавровых листьев, какие-то сухие плоды и ветки, а на столе лежал большой нож и пёстрые пиалы, доверху наполненные измельчёнными до состояния порошка травами. Смело запустив руку в одну из них, Роза ловким движением набросала этих смесей в чайник, затем наполнила его водой из небольшого умывальника и водрузила на плиту. Всё это выглядело загадочно и грациозно, словно балет и древний магический обряд в одном флаконе. Происходящее вызывало у Берта чувство некой сказочности и нереальности, какое возникает при прочтении старых фантастических книг, но в то же время и ему разрешили быть участником сего действа. От этой мысли захватывало дух. Он не переставал улыбаться и, наверное, выглядел полным идиотом, но Розу это несколько не тревожило. Она была в своей родной стихии и чувствовала себя более чем комфортно в присутствии этого мало знакомого ей человека.

– Скажите, а Берт – это сокращение от Альберт или Бертрам? – поинтересовалась она, пока закипала вода в чайнике.

– А это принципиально? Пусть лучше будет просто Берт... – Маршан всегда чувствовал этот лёгкий, но неприятный укол в боку, когда его называли полным именем или

пытались о нём разузнать. Во всех школах, куда его когда-либо устраивал отец, имя Адальберт вызывало ряд сложностей и неловких ситуаций. В конце концов, учителя звали его Альбертом, не особенно стараясь что-то запоминать, а со временем просто Бертом, и это было лучшим решением.

– Значит, всё-таки Бертрам... – про себя пришла к выводу девушка, – я вас понимаю. Тоже не люблю это имя. Ну, а я просто Роза. Тут и додумывать не надо. Удобно, не правда ли?

– Весьма, – согласился Берт. Взгляд его упал на небольшую картину в рамочке, подвешенную почти у самого потолка. Мотив оказался ему до боли знаком. Заставив себя отвести глаза, юноша вернулся к беседе с новой знакомой. – Вы здесь работаете одна?

– Да, но магазинчик мой лишь наполовину. Все подобные заведения принадлежат дамам цветов, поэтому часть прибыли уходит в их фонд, – ответила Роза. Чайник закипел и бурлил ещё какое-то время, пока кухню не заполнил горячий пар с насыщенным цветочным запахом. Только тогда девушка погасила огонь и разлила полученный отвар по стаканам, предварительно процедив его через марлю. Поставив чашки на небольшой медный поднос, Роза ногой пнула дверцу, ведущую в сад. Там, в небольшой тенистой беседке, густо поросшей выюнком, они и устроили чаепитие.

– Кто такие эти дамы цветов?

– Это что-то вроде благотворительной организации, – объ-

ясняла девушка, делая короткий глоток из своей чашки. – Весьма влиятельное течение на Сен Линсее. Понимаете ли, Берт, этот остров никогда не был курортным, несмотря на весьма подходящий для этого климат. Сложилось так, что мы в какой-то степени оказались отделены тонкой призрачной гранью от всего остального человечества, и это чрезвычайно ценится местными жителями. Так что не удивляйтесь, но на Сен Линсее всё только кажется цивилизованным и современным, а попробуй скovyрни поглубже – повыползают на свет божий странности, верования и традиции, каких на материке не встретишь. Как по мне – это неплохо. Я люблю Сен Линсей и Линсильву люблю особенно, но где-то лет сто назад население этого замкнутого мирка столкнулось с очевидной проблемой. За отсутствием более-менее регулярных вливаний новых поселенцев возник риск распространения кровосмешения, а это стало бы настоящей генетической катастрофой для будущих поколений островитян. Тогда три самых влиятельных на тот момент семейства на острове – Ди Граны, славные потомки святого Линсея, Тенебрисы, менее любимые его же дети, и Моро, хозяева крупнейшего порта, создали общество под названием «дамы цветов». Вся суть его заключалась в том, что на материк отправлялась группа местных маститых дам, и в ходе своего путешествия они посещали приюты и богадельни, где находили брошенных или осиротевших, но достаточно здоровых девочек и привозили их сюда, на Сен Линсей. Здесь им обеспечивалось хорошее

образование, возможность освоить какую-либо профессию и по достижении совершеннолетия даже открыть собственное дело за счёт средств фонда. Такая система, в свою очередь, активно разбавляла генофонд острова, формируя новые семьи.

– Вы были одной из этих девочек?

– Да, – без тени смущения ответила Роза, – поэтому у меня теперь есть моя лавочка. Разве это не замечательно? Я обожаю возиться с растениям, а какой я завариваю чай! Разве это не самый лучший чай из того, что вам доводилось пить?

– Определённо лучший, – кивнул Берт, хотя никакого вкуса он, в сущности, не распробовал. Вполне возможно, что напиток был хорош, но обилие ароматов сада и фонтанирующая красота Розы кого угодно могли бы сбить с толку. Так что меньше всего на свете Берт сейчас задумывался о вкусовых качествах этого чая.

– Вот видите! – промурлыкала хозяйка и, щурясь от удовольствия, отхлебнула из кружки ещё отвара. На некоторое время они замолчали, но ни один не чувствовал себя неловко, а потому и не стал предпринимать неуклюжих попыток заполнить возникшую пустоту. Да и пустоты не было – окружающий их сад выступал в роли источника множества красок и звуков, что само по себе заменяло самое лучшее радио. Пожалуй, подумалось Берту, это чаепитие действительно было одним из приятнейших на его памяти.

– Скажите мне честно, Берт, – нарушая их мелодичное, наполненное гармонией, взаимное молчание, вновь заговорила Роза, – вы точно никогда прежде не бывали на острове?

– Совершенно точно.

– Так странно... – девушка поморщила носик и с неподдельной нежностью взглянула на гостя из-под своих длинных ресниц. – Лицо у вас такое... знакомое, словно знаю вас давным-давно...

– Оно просто типичное, мне все так говорят, – пожал плечами парень и поставил опустевшую чашку обратно на поднос. – А я тут заметил картину у вас в кухне. Ту, что с речкой и одинокой лодкой. А вот она показалась уже мне очень знакомой...

– Это дешёвенькая репродукция, конечно же, – понимая, о чём идёт речь, усмехнулась Роза. – Оригинал стоит бешеных денег. Это же картина Яна Маршана. Слышали о таком?

– Кхм... – Берт неловко закашлялся и вымученно улыбнулся, – да... где-то слышал. Вы любите живопись?

– Как можно жить в таком месте и не любить живопись? – романтично протянула девушка и огляделась по сторонам. Одна из стен её домика густо поросла лазающими кобеями с крупными колокольчиками-цветами синего и фиолетового цвета. В полутени наполнялись алой кровью гибискусы размером с человеческую голову, а всё остальное пространство сада пестрило таким количеством растений, что в этом разноцветном ковре запросто можно было бы утонуть. Берт вы-

нужден был признать – в словах хозяйки был смысл.

– А вообще не удивляйтесь, но здесь вы часто будете наткаться на его картины...

– Чьи? – очнувшись от созерцания окружающих красот, растерялся юноша.

– Яна Маршана, – отвечала Роза, и имя отца, прозвучавшее из её прекрасных уст, почему-то больно резануло парню слух. – Знаете, он же вроде как из этих мест. Островитяне этим страшно гордятся, у многих дома есть репродукции его картин. К тому же они очень красивые, кроме, конечно, той странной серии полотен в стиле то ли импрессионизма, то ли минимализма. Я её категорически не понимаю...

– Да, я тоже, – охотно согласился Берт, с неприязнью вспоминая ту мазню ради лёгких денег, которую отец удачно распродал за четыре года до своей смерти. Маршану младшему это всегда казалось тёмным и непростительным пятном в отцовской биографии, но все размышления на данную тему в конце концов приводили его к мысли о том, что всему виной было тлетворное влияние его последних жён.

– Ро-о-о-за-а! – над садом пронёсся надрывный зов. Из-за кустов гибискуса чуть не подпрыгивала и махала руками какая-то пожилая дама, активно привлекая внимание хозяйки лавки. – Роза, милая, ты здесь?!

– Да, я здесь, Гвиневра, – нехотя отозвалась девушка и, извинившись перед гостем, отправилась навстречу женщине, уже успевшей обежать изгородь и встать у низенькой за-

пасной калитки. Со своей позиции Берту не удавалось разглядеть её ещё и потому, что старушка была очень невысока ростом. Бурная растительность сада практически полностью скрывала её из виду.

– Ох, Роза! – запыхавшись, выпалила пожилая женщина.

– В чём дело, Гвиневра? Я думала, вы не выходите из дома в такое пекло... – заботливо поинтересовалась девушка, отворяя двери калитки.

– Ты уже слышала новость, Роза? Я сидела дома, вся как на иголках, и думала о том, с кем бы обсудить... – тараторила старушка, проходя в сад. – А потом вижу – ты в саду копошишься! Сидела я сидела, но не стерпела! Вот, думаю, надо у Розы спросить... Скажи мне, ты же уже в курсе?

– Насчёт того, что случилось с Роуэн? – попыталась подхватить мысль девушка. – Да-а, к сожалению. Такая утрата...

– Ох, да! Бедняжка Роуэн, да ещё и Лили всего неделю как похоронили. Совершенно не правильно, когда уходят такие молодые и хорошенькие, – печально охнула гостья, но тут же принялась махать своей сухой рукой, отгоняя задетую тему. – Но я же совсем не о том, Роза! Ты меня вообще слушаешь? О том, что стряслось с Роуэн, уже вся Линсильва болтает, а у меня новость на миллион ирм!..

– Тогда не тяните, Гвиневра. Мне не терпится узнать, – не без иронии в голосе отозвалась девушка, провожая пожилую гостью в тень, ближе к беседке, где их с интересом подслушивал Берт.

– Ты помнишь того художника, племянника покойного Августа, пусть земля ему будет пухом, Ди Грана? – принялась тараторить женщина, жадно глотая воздух. – Ну этого! Как же его?... Сынка той вертихвостки, прости Господи, Иветты Ди Гран, сбежавшей с острова с этим архитектором...то ли французом, то ли бельгийцем... Марш...или Шарж...

– Маршан?

– Да! Точно. Она сбежала с этим Маршаном и родила от него сына, а уже тот потом заделался в художники, помнишь? У тебя в кухне висит эта его мазня с лодкой!

– Эй! Мне нравится эта лодка, Гвиневра! – с обидой отозвалась Роза, не догадываясь, что тем самым она вбила гвоздь в сердце Берта по самую шляпку. Он слушал их разговор и был растерян и сконфужен, но почему-то никак не мог скинуть с лица всё ту же ухмылочку полного идиота. Вероятно, голос и слова хозяйки лавки действовали на него не хуже самого мощного магического приворота. – Вы говорите про Яна Маршана, я поняла. Как забавно, что вы об этом упомянули, кстати говоря. Мы с моим гостем как раз его обсуждали, и я сказала...

– Да-да-да! Вы обсуждали и ладно! – грубо оборвала девушку старуха Гвиневра и вновь замахала своей худой костлявой ручищей. – Суть-то в чём, милая моя! Представь себе у этого художника, оказывается, были дети!

– Да что вы говорите? – не особенно стараясь изображать

интерес, протянула Роза, заметно подуставшая от надрывного голоса пожилой сплетницы. Берт же в своём укрытии выпрямился так, словно кол проглотил. Судя по всему, Севилла Сапфир что-то не рассчитала со сроками, и информация об их с Конни прибытии начала распространяться раньше, чем было заявлено изначально.

– Ты что, ничегошеньки не понимаешь?! – взвизгнула гиперактивная для своих лет дама. – Это же живые Ди Граны! Самые настоящие, а не тот жуткий манекен, которого Август, спаси Господь его душу, выдавал за свою племянницу!

– Гвиневра, постыдились бы говорить такое! – уже откровенно возмутилась Роза. – Или вам полуденное солнышко голову припекло?

– Не надо меня стыдить! – хмыкнула старуха. – Я женщина на самом склоне своих лет и могу говорить всё, что думаю. Это главное преимущество старости, знаешь ли. Не собираюсь я делать вид, что эта бедняжка Виолетта хоть сколько-нибудь мне симпатична. Знаю-знаю, ты водишь с ней дружбу, и я ничего не имею против. В конце концов, девочка не виновата, что её мать вела такую жизнь!..

– Гвиневра, а нельзя ли обойтись без сомнительных домыслов?

– Я лишь говорю, что в ней нет породы, а это, чтоб ты понимала, тот ещё звоночек! Ди Граны все всегда были похожи друг на друга, и все до одного – очаровательнейшие, умнейшие и просто солнечные существа. Ты молода, ты не зна-

ла их так, как я! – на последней фразе голос женщины стал заметно менее раздражающим и даже нежным. – А теперь представь, милая Роза, в наших краях вновь появятся они...

– Так они приедут сюда, в Линсильву?

– О, да! Август оставил им большое наследство. И правильно сделал! Так или иначе, в своё время ему досталась доля их бабушки, когда она сбежала с этим своим архитектором и разорвала связи с семьёй. Фактически, это и так должно принадлежать им...

– И когда же нам ждать сие торжественное прибытие? И не собираетесь ли вы устроить по этому поводу парад, дорогая Гвиневра? – усмехнулась Роза.

– Какая замечательная идея! – восторженно воскликнула пожилая гостя. – Я знаю, что Симеон возвращается в Линсильву завтра. Есть мнение, что он привезёт наследников с собой. Парад мы, конечно, подготовить не успеем, но устроить им тёплый приём с цветами и плакатами мы с нашим историческим клубом очень даже можем...

– Я вообще-то пошутила. Не говоря уже о том, что в окрестностях случилась трагедия. Может, не стоит так усердствовать? Некоторые могут понять вас неправильно...

– Чушь, Роза! Люди здесь любят Ди Гранов и не смогут не порадоваться вместе с нами. К тому же это явно добрый знак – на остров возвращаются потомки святого Линсея! Надо будет написать красивое приветствие на плакатах... – засуетилась Гвиневра. – Как насчёт «добро пожаловать домой,

Ди Граны!»?

– У них же вроде другая фамилия, – терпеливо напомнила Роза, которая сейчас, видимо, только и мечтала о том, как бы поскорее сплавить назойливую посетительницу. Берт поднялся с места и приблизился к арке беседки так, чтобы видеть их обеих. Гвиневра оказалась не только низенькой, но и слегка горбатой старушкой с вьющимися барашком серебристыми волосами.

– М-да, – почавкав губами, вынуждена была согласиться женщина. – Может, тогда лучше по имени? Паренька вроде зовут Адальберт, как и пра-пра-прадеда, а у девочки такое литературное имя... Катерина... или... Кармен...

– Констанция, – выступил Берт и приветливо поклонился обернувшейся гостье. – Действительно литературное. Ма-тушка её уж очень любит Дюма.

– Ой... – оглядев юношу с ног до головы, растерянно выдохнула Гвиневра и чуть было не схватила за сердце. Она, повидавшая не одно поколение Ди Гранов, конечно же, всё сразу поняла. Берт был для неё вроде призрака всех тех потомков Линсея, которых она умудрилась пережить. Дама растерянно открывала и закрывала рот, подобно рыбе, выброшенной на берег. Роза тоже глупой не была и по виду оторопевшей посетительницы тоже обо всем догадалась. Теперь и ей стало ясно, почему симпатичный клиент показался ей таким знакомым.

– Так Берт – это сокращение от Адальберт? – улыбаясь,

выпала она и звонко щёлкнула пальцами. – Ну слава богу, не Бертрам! Я говорила, что терпеть не могу это имя?

– Что-то такое упоминали, – вздохнул Маршан и, оценив мысли пожилой дамы (которые сложными комбинациями перемещений лицевых морщин мгновенно становились очевидны окружающим), понял, что его секретному путешествию по Линсильве пришёл конец. Из заднего кармана своих брюк он вытащил телефон и, прежде чем Гвиневра успела что-нибудь произнести, извинился и нырнул обратно в беседку. Он боялся, что телефон Конни окажется выключен или вне зоны доступа, но уже очень скоро в трубке послышались длинные гудки.

– Ох, Роза! – послышался удаляющийся голос старушки, которую хозяйка лавочки принялась спроваживать из сада. – Ты видела? Каков красавец! Настоящий Ди Гран! А его сестра такая же?..

– Я...я не знаю, Гвиневра. Прошу вас... вам не стоит оставаться на такой жаре. Идите домой... – растерянно отвечала Роза. Скрипнула калитка, но пожилая дама ещё долго не унималась.

– Наверняка она просто очаровательна! Иначе и быть не может!

– Да-да, наверняка! Всего доброго... – раздражённо цедила сквозь зубы Роза. Берт продолжал вслушиваться в гудки, надеясь, что сестра не оставила телефон в замке. – Я сказала, всего добро-го, Гвиневра-а! Идите домой!

Наконец, калитка захлопнулась и Роза, убедившись, что назойливая дама всё же поковыляла восвояси, ринулась обратно к гостю в беседке. Они обменялись извиняющимися взглядами, но до того, как кто-то из них заговорил, в трубке мобильного телефона раздался знакомый голос.

– Берт, – коротко позвала Конни из динамика. Чуть не выронив телефон от неожиданности, Маршан отвернулся от своей рыжей спутницы и сбивчиво заговорил.

– Да-а, Конни, ты далеко ушла? У нас тут случилась небольшая неприятность...или нет, не знаю... – тараторил он.

– Конкретнее, пожалуйста, – холодным и острым, как спица, тоном приказала сестра. На мгновение это вогнало Берта в ступор, и он не смог подобрать ни слова. Внутри у него всё похолодело.

– Конни, милая, что случилось?

– Берт, закончи свою мысль, – терпеливо и всё так же сдержанно попросила девушка.

– Ладно. Думаю, в течение следующего часа наш с тобой приезд перестанет быть секретом, – собравшись с мыслями, кратко отрапортовал братец.

– Ох, – выдохнула Констанция в трубку и издала этот хорошо знакомый брату цокающий звук языком. Она так часто делала, когда обдумывала что-то в момент, когда решение нужно принимать мгновенно. Щелчок оповещал о том, что дальнейший маршрут её действий был экстренно перестро-

ен. — Мне всё понятно. Что ж, это не конец света...

— Конии-и, а ты где? — понимая, что на другом конце провода произошло что-то гораздо более интересное или, возможно, трагическое, в очередной раз поинтересовался Берт. Констанция чуть помолчала, видимо, подготавливая речь, а затем коротко изложила ему суть дела. Говорила она ёмко, спокойно и, по возможности, не упуская важных деталей. Когда она закончила, то попросила за ней заехать и по пути постараться не поднимать лишнего шума. А слишком беспокоиться за неё, по её же собственному заверению, не стоило. Брат согласился, пообещал добраться как можно скорее и отключился.

— Что-то случилось? — тихо наблюдавшая за разговором всё это время Роза осторожно подала голос. Берт растерянно кивнул и убрал телефон обратно в задний карман.

— Простите, а вы знаете, где дом нотариуса Совиньи?

— Конечно! — вспыхнула девушка. — Она же возглавляет местный комитет дам цветов. Это в десяти минутах пути отсюда, я вас провожу...

— Не стоит...

— Я настаиваю, Берт. Не хватало вам ещё заблудиться и радовать местных жителей своим диграновским лицом!

— Дело не в этом, — отмахнулся парень и решительным шагом направился вон из беседки к калитке. Роза не отставала.

— А в чём же тогда? Что-то случилось с вашей сестрой? Я же могу помочь!

– Вы хорошо знали нотариуса Совиньи? – резко остановившись и чуть не сбив тем самым новую знакомую с ног, спросил Берт. Так близко лицо девушки, осыпанное звёздочками веснушек, казалось еще милее, а изумрудные глаза ещё ярче. При этом Роза даже не пыталась отводить взгляд, что выдавало в ней человека весьма решительного.

– Знала её, сколько себя помню, – без запинок отвечала красавица. – А что?

– Мне очень жаль, Роза, – заметно посуровев, произнёс Маршан. – Судя по тому, что я услышал, госпожа Совиньи мертва...

Глава 5

Бывают в жизни события, обращаясь к которым спустя какое-то время, осознаёшь, насколько важными они оказались при всей своей внешней незначительности и простоте. Знакомство Берта с Розой было одним из таких, ровно как и первая прогулка Конни по извилистым, мощёным камнем, улочкам окраины Линсильвы.

Она планировала спросить у кого-нибудь из местных жителей дорогу, но на удивление ей никто не встретился. Вероятно, всё дело было в невыносимой жаре, сухим и горячим ветром проносящейся меж домиков и садов. По своему опыту путешествий Констанция знала, что при постоянной духоте и под палящим солнцем немногие растения могут сохранять такую сочность и свежесть, какую демонстрировали представители многообразной флоры Линсильвы. Быстро девушка сделала вывод, что такая погода для этих мест либо аномальна, либо кратковременна. Она вообще славилась своим умением быстро и достаточно точно делать выводы, видимо, в качестве компенсации за отсутствие более творческих талантов.

Правда за всеми этими размышлениями Конни не заметила, как оказалась на улице, заметно отличавшейся от предыдущих. Она была широкой, а дома здесь были больше, расположенные заметно ближе друг к другу, и принадлежали они

явно гражданам побогаче. Сложные кованые ограды и ворота, строгие геометрические формы ухоженных клумб и аристократичные вытянутые окна, наглухо зашторенные, указывали на более престижный район. Здесь же Констанция наткнулась на первый продуктовый магазинчик, небольшой, но весьма симпатичный и уютный.

Войдя, она первым делом услышала приятный звон колокольчика, предупреждавший продавца о новом клиенте. Тем не менее, никто навстречу девушке не вышел. Зал был пуст. У кассового аппарата была выставлена табличка «Учёт. Вернись через полчаса». Очевидно, в этом городе никто не опасался воровства, раз уж вот так запросто оставляли магазин открытым. Охладившись немного под кондиционером, девушка не стала дожидаться продавца и, покинув магазин, отправилась дальше. Вверх по улице была библиотека, а сразу к ней прилегала юридическая контора под названием «партнёры С.В. и К.Б.». Оба заведения оказались закрыты.

Это бессмысленное путешествие начинало утомлять, когда, наконец, Констанция заметила знак, обозначающий автобусную остановку. На небольшом стенде рядом были указаны существующие маршруты. На подробную карту и расписание рассчитывать не приходилось, всё ограничивалось списком номеров тех автобусов, что здесь останавливались. Констанция водила по ним взглядом снова и снова, начиная испытывать нечто вроде раздражения и обиды на Линсильву за её нелюдимость. Уезжать без Берта Конни не собира-

лась, поэтому встала в тень и, закрыв глаза, просто попыталась немного очистить голову и успокоиться. Этот день оказался для неё сложноват: слишком много нового и незнакомого, слишком много смен декораций и маловато свежего воздуха. А в следующие несколько минут всё стало ещё запутаннее...

Из медитации Констанцию вырвал звонкий крик. Она вздрогнула и в ужасе огляделась по сторонам. Из-за ворот одного из богатых домов выскочил мальчишка лет тринадцати, весь бледный, как простыня, и начал жадно хватать ртом воздух. Возможно, он хотел бы вновь закричать и позвать кого-нибудь на помощь, но теперь только хрипел и кашлял, захлебываясь слезами. Конни, понимая, что рассчитывать пареньку в этом опустевшем городке не на кого, быстрым шагом направилась ему навстречу.

– Эй, ты в порядке? – позвала она, перебегая улицу.

– Помогите... – сдавленно прохрипел мальчишка и попыталсятереть лицо рукой.

– Что случилось? – приземляясь на одно колено перед болезненным ребенком, спросила девушка встревоженно. В синих глазах мальчика застыл ужас, и побороть его у него получалось с огромным трудом. – Как тебя зовут?

– Гай, – всхлипнул парнишка.

– Хорошо, Гай. Скажи мне, что с тобой стряслось, и я помогу...

– Не со мной, – Гай завертел головой и, сделав вдох, по-

пытался немного успокоиться. Лицо его пошло пятнами от такого напряжения, но мальчик всё же выдавил из себя слова. – Госпожа... Совиньи... с ней случилась беда...

– Ясно, – кивнула Конни. – Она живёт в этом доме?

– Ды-а...

– Отведи меня к ней. Может я смогу помочь, – сохраняя внушающее доверие спокойствие, говорила девушка, и паренёк не мог не согласиться. Ему была очень не по душе идея возвращаться в дом, но он не смог воспротивиться приказу Констанции, обладавшей ещё одним редким даром. Это был дар управленца и руководителя, который достался ей совершенно неизвестно от кого. В стрессовой ситуации в сознании у девушки что-то переключалось, и она преображалась до неузнаваемости, становясь по-офицерски строгой, расчётливой, а иногда просто пугающе холодной. Как правило, разительность превращения зависела от сложности возникшей проблемы. – Гай, в доме есть телефон?

– Да, мадам, – быстро отвечал мальчик. Конни кивнула и уверенно распахнула дверь, рядом с которой успела заметить красивую металлическую табличку с надписью «Исидора Совиньи, нотариус».

В узкой, облицованной деревянными панелями, прихожей было темно и довольно прохладно. Сразу бросалась в глаза лестница со сложными резными перилами, поглотившая большую часть пространства. Мальчик указал на неё и сообщил, что идти надо наверх, в рабочий кабинет госпожи

нотариуса. Сам он замер на входе и не решался двинуться с места. По его поведению Конни догадывалась, что пытаться помочь госпоже Совиньи нет никакого смысла. Женщина наверняка была мертва, но для приличия не мешало бы в этом убедиться лично.

Это нормально, когда люди, впервые столкнувшись со смертью, пугаются и паникуют. В конце концов, вид человека, который ещё час назад говорил с тобой, а теперь почему-то лежит в неестественной позе, пустой и бесчувственный, будто мешок со старым барахлом, способен выбить из колеи и хорошо подготовленного взрослого. Что уж говорить о мальчишке, который до сего момента видел разве что мёртвых животных...

Конни всё это понимала, поэтому и не стала настаивать на том, чтобы Гай её проводил. Но, несмотря на свою тактичность, спокойствие и взвешенность рассуждений, даже она не смогла в достаточной степени подготовить себя к тому, что увидела за дверями кабинета нотариуса. Машинально девушка попятилась назад, обратно в тёмное и прохладное нутро коридора. Аккуратно она прикрыла дверь кабинета, затем, предварительно прочистив горло, вышла на лестницу и вновь обратилась к пареньку:

– Гай, я здесь недавно и не совсем понимаю, как у вас всё устроено. Подскажи мне, есть ли в Линсильве полиция или жандармерия? – сам по себе вопрос казался глупым, ведь в любом цивилизованном поселении должны быть местные

органы правопорядка, но Конни удалось произнести это с таким достоинством, что мальчик даже и задумываться не стал.

– Да, у нас есть полиция.

– Хорошо, тогда позвони в полицию, будь так любезен, – пародируя голос своей строгой школьной учительницы, которую когда-то люто ненавидела, проговорила Констанция. Мальчик кивнул и скрылся за дверью, ведущей куда-то под лестницу. С высоты второго этажа Конни было слышно, как он сбивчиво пытается объяснить происходящее кому-то по телефону. Рассказ у Гая получался путанный и сдобренный ненужными деталями и лирическими отступлениями. Сама Конни предпочла бы сказать что-нибудь вроде: «Здравствуйте! Тут нотариус Совиньи, кажется, вышибла себе мозги. Приезжайте как можно скорее. Спасибо».

Когда Гай договорил и сообщил о том, что полиция вот-вот приедет, Конни вежливо поблагодарила его и попросила подождать их снаружи, в теньке. Как только он выбежал из дома, явно обрадованный тем, что его не заставляют оставаться под одной крышей с трупом, девушка нервно выдохнула и закрыла горячее от напряжения лицо похолодевшими от ужаса ладонями.

Она бы так и стояла в этом полумраке возле двери кабинета, но в голове её произошло то, чего не должно бы происходить в подобной ситуации с нормальным человеком. Первое впечатление от увиденного, повергшее поначалу в шок,

постепенно рассасывалось, уступая место не отвращению и не ледяющему душу страху, а постыдному зудящему любопытству. Помявшись немного на месте, Конни вдруг резко шагнула к дверям и потянула ручку на себя, вновь заглядывая в кабинет нотариуса.

Пронзительно яркие полосы света пробивались сквозь жалюзи, делая чёткой и ясной каждую деталь обстановки. У госпожи Совиньи был очень солидный кабинет с антикварным книжным шкафом высотой под самый потолок, удобными кожаными креслами и массивным весьма внушительным рабочим столом из красного дерева. На нём, собственно, и лежала сейчас сама госпожа нотариус, уронив побагровевшую простреленную голову прямо на кипу бумаг. Все они теперь были насквозь пропитаны кровью, и их содержание вряд ли представлялось возможным подсмотреть. Капли капали и на белый ковёр, но уже лениво и редко, поэтому Констанция решила, что с момента смерти дамы прошло некоторое время. От выстрела обрызгало и небольшую картину на стене, в которой девушка далеко не сразу узнала репродукцию отцовского творчества.

Правая рука покойницы лежала на столе, и меж среднего и указательного пальцев застряла красивая позолоченная перьевая ручка. Левая же рука опала за стол, и именно рядом с ней валялся пистолет. Конни долго рассматривала всё это, медленно и осторожно обходя тело со всех сторон. Она старалась ни к чему не прикасаться и ни во что не вляпаться.

ся, но руки её буквально чесались от желания ткнуть во что-нибудь пальцем. Вряд ли это что-то бы ей дало, но внутренний голос настойчиво советовал это сделать. Девушка, стыдя саму себя за неуважение к мёртвым, тут же прикидывала варианты, какой именно предмет не зазорно будет потрогать. Так сложилось, что симпатичная госпожа Маршан не боялась ни мертвецов, ни крови, ни насекомых – ничего того, от чего многие юные красавицы потеряли бы дар речи и, вполне возможно, сознание. Конечно, как и всякий нормальный человек, Конни испытывала отвращение по отношению к увиденному: в элегантном и строгом интерьере кабинета зияло огромное и уродливое, щедро сдобренное неприятными деталями, багровое пятно. Оно совершенно неестественным образом покрывало достаточно существенную часть от общей площади помещения. Неудивительно, что Гай от этого зрелища был в таком шоке.

Лица госпожи Совиньи не было видно, но по просвечивающей сквозь кровавое месиво седине было понятно, что нотариус была уже не молода. Руки у неё были изящные, с длинными пальцами в кольцах и аккуратным маникюром, но уже заметно постаревшие. Одевалась дама сдержанно, но со вкусом. Тёмно-синий брючный костюм идеально сидел по фигуре даже при такой хитрой и неестественной позе, а это означало, что сшит он был, скорее всего, на заказ. Взгляд Констанции вновь упал на позолоченную ручку, расположившуюся меж пальцев женщины.

«И что же она писала?» – спросила себя Конни, тут же самой себе отвечая, – «Предсмертное послание, судя по всему...»

Но бумаги на столе пришли в абсолютную негодность. Теперь это было похоже на жуткое психопатическое папье-маше, где смешались скомканные и смятые листы, кровь и разлитые чернила. Видимо, покойная не всё до конца рассчитала, и теперь её последнее слово навсегда затеряется в этом бардаке. Мысль эта обескураживала и печалила одновременно.

В кабинете ещё чувствовался запах пороха, но слабо, еле уловимо. Констанция с видом бывалой ищейки водила носом по воздуху, но быстро поняла, что уже почти ничего не различает. Помощь Берта, чьё обоняние могло бы указать даже на кошку, живущую по соседству, сейчас бы ей пригодилось. В итоге, окончательно обнаглев, девушка осторожно опустилась на колени там, куда не долетели брызги крови, и принялась разглядывать лежащий на полу пистолет. Он был очень красивым с деревянной рукоятью, художественной резьбой и гравировкой, которую разглядеть никак не получалось, но было совершенно ясно – это предмет коллекционный и очень дорогой. Да и модель, к своему удивлению, Констанция тоже узнала. А узнав, вдруг замерла и на какое-то время почувствовала, что теряет связь с реальностью. Старина когнитивный диссонанс вновь дал о себе знать и, вероятно, не в последний раз.

Поёжившись, Конни поднялась, отступила от стола и, услышав какую-то возню на улице, осторожно глянула в окно. Русский мальчишка Гай бежал к воротам, где уже остановилась полицейская машина. Он махал руками и указывал на окна кабинета, поэтому Констанция поспешила ретироваться и покинуть помещение. Она на цыпочках прошмыгнула в коридор и осторожно прикрыла за собой дверь, надеясь, что никто не заметит следов её присутствия. На всякий случай она начала репетировать, что скажет местным правоохранителям, зачем она сунулась не в своё дело, если вдруг они заметили её силуэт в окне. Забегая вперёд, можно смело сказать – эти репетиции ей негодились.

– Кто вы? – строго и без лишних приветствий спросил её офицер, который первым добрался до второго этажа. На вид ему было лет пятьдесят, и он казался человеком суровым и решительным, вероятно, за счёт своих густых чёрных бровей, которые он грозно сводил над переносицей.

– Констанция Маршан, – ответила Конни ровно. Её режим «всё выключено» неизменно прогрессировал перед лицом возрастающего стресса. Голос становился все равномернее и холоднее. Остановить процесс уже не представлялось возможным, поэтому оставалось им только наслаждаться. Девушка протянула ладонь вперёд, призывая полицейского к рукопожатию. Увидев это, мужчина заметно опешил, а брови его медленно начались расползаться прочь друг от друга и вверх. Растерянно он поймал кисть Конни и неуверенно её

потряс.

– Комиссар Дион Варга, – представился он.

Как бы одоббив его поступок, Конни удовлетворённо кивнула и отступила в сторону, пропуская мужчину в кабинет. Через мгновение оттуда посыпались отборные ругательства, большую часть из которых Констанции прежде слышать не доводилось. На этот весьма не благородный зов тут же примчалось ещё несколько человек в бело-синей форме.

Вся эта картина выглядела, по правде говоря, трагично и смехотворно одновременно. Офицеры что-то громко обсуждали, яростно перебивая друг друга, и драматично сокрушались по поводу всего случившегося.

– Ох, Исидора-а... – сквозь зубы процедил комиссар Варга, и прочие присутствующие замолчали, скорбно склонив головы. – Ладно, – гаркнул мужчина на выдохе. – Оцепите здесь всё, как полагается. Карета «скорой» уже в пути?

– Не думаю, что ей нужна «скорая», комиссар, – выпалил один из офицеров удивлённо. Варга метнул в сторону сержанта яростный взгляд и обругал парня так, что у Конни чуть уши не завяли. Подбирать красочные метафоры этот грозный человек ещё как умел. Офицеры рассыпались по сторонам, как тараканы при включённой лампочке. В прежние времена Констанция очень не любила французские классические комедии, где жандармы и полисмены представлялись кучкой комедиантов и бездарностей, но сейчас она бы взглянула на эти фильмы свежим взглядом. Она по-прежнему

му стояла в коридоре второго этажа, вжавшись в стену, и наблюдала за тем, как эта молодёжь снуёт туда-сюда, разбазаривая силы и энергию непонятно на что. От этого очевидно-го безобразия у Конни заболела голова, и принялось нервно пульсировать правое веко.

– Что это за беспорядок? – выпалила она, врываясь в кабинет нотариуса, где комиссар Варга судорожно тёр виски пальцами, видимо, также пытаясь подавить своё недовольство происходящим.

– Всё эта треклятая полицейская реформа, что б её... – проворчал он, но, сообразив, с кем разговаривает, мигом очнулся и с раздражением оглянулся на незваную гостью. – Здесь не место для посторонних, госпожа как вас там..!

– Маршан, – быстро напомнила Конни.

– Да как угодно! – огрызнулся комиссар. – Покиньте помещение и вообще сгиньте с глаз моих!..

– И вы не собираетесь меня допросить?

– Я поручил это сержанту.

– Вы уверены? Потому что пару минут назад мимо промчалось сразу несколько человек, но ни один мне даже «здрасьте» не сказал, – ловко парировала Констанция и пошире распахнула дверь кабинета, демонстрируя собеседнику звенящую тишину коридора. На мгновение в помещении повисло молчание столь напряжённое, что при случае могло бы вызвать сбой всей электроники в доме. Со звонким хлопком комиссар приложил ладонь к лицу и то ли зарычал, то ли за-

стонал от злости и отчаяния. Конни стало его искренне жаль.

– Пока коронеры не приехали за телом, может запечатать кабинет и поговорим внизу, господин Варга? – чуть смягчившись, но не утратив решительного настроя, произнесла она вежливо. Комиссар сокрушённо кивнул.

Уже внизу он за ворот поймал одного из офицеров, потряс хорошенько и велел караулить место преступления до тех пор, пока труп не увезут. Худощавый паренёк испуганно кивал, а затем пулей метнулся вверх по лестнице выполнять приказание.

– Это какой-то бардак, чёрт возьми! – в сердцах воскликнул мужчина, когда они с Конни оказались на тесной кухне. Он нервным движением распахнул окно и достал из кармана электронную сигарету.

– Как современно, – заметила девушка. Игнорируя её слова, Варга уселся на узкую табуретку и втянул воздух через пластиковую трубочку. Зрелище было не столь элегантно, как могло бы показаться.

– Откуда вы, госпожа Маршан? – спросил комиссар, чуть успокоившись. – Из Калимонтема, небось?

– Откуда?

– Есть расхожее мнение, что только в Калимонтеме люди могут так привычно и по-свойски относиться к смерти, – хмыкнул мужчина. Он был высоким и достаточно крупным, но не грузным. На лбу его и в уголках глаз пролегали глубокие морщины, а подбородок покрывала многодневная щети-

на. То тут, то там просвечивали последствия тяжёлой и нервной работы.

– Я с материка, – пояснила Конни. – Приехала этим утром вместе с братом.

– Даже так? – слегка удивился комиссар. – И с какой целью вы прибыли на Сен Линсей?

– У меня здесь родня, – размыто, но в целом честно отвечала девушка.

– И вы знали Исидору Совиньи лично?

– Нет, никогда прежде не встречала её.

– Как же тогда вы оказались в её доме?

– Этот мальчик, Гай, он позвал на помощь. Я была здесь неподалёку, на автобусной остановке. Думала, как доехать до центра города...

– Да, вы совершенно точно с материка, – усмехнулся Варга, – иначе бы вы знали, что сюда уже неделю автобусы не ходят. В депо забастовка, водители и механики не выходят на работу.

– М-да, неприятная ситуация...

– Что поделать, – пожал плечами комиссар, – после смерти Августа Ди Грана тут началась тотальная неразбериха с финансированием и новыми порядками. У островного совета, знаете ли, теперь новый взгляд на общий бюджет...

– А вы сами знали нотариуса? – почувствовав податливость собеседника, поинтересовалась Конни осторожно.

– Она была очень уважаемой и влиятельной фигурой в

Линсильве, – печально вздохнул мужчина. – И вдруг такое...

– Господин комиссар, – в кухню вошёл сержант, которого поставили караулить кабинет с трупом, – за телом уже приехали, а ещё вот это выпало из-за картины на стене... – и юноша дрожащими руками протянул старшему коллеге лист бумаги, на котором был напечатан текст.

– «Так больше не может продолжаться. Моё одиночество гнетёт меня и становится невыносимым. Простите за всё. Исидора Совиньи»... – прочёл вслух Варга и снова выругался. Правда, теперь он извинился перед Констанцией за эту грубость, а она лишь смотрела на то, как сержант и комиссар лапают голыми руками важнейшую улику. Правое веко вновь начало пульсировать.

– Видимо, всё ясно, – быстро сделал вывод юноша. – Самоубийство!

– А ты, я смотрю, догадливый такой! – саркастично выплюнул комиссар и вернул покрасневшему парнишке записку. – Приобщи к делу! Эх, Исидора, что ж ты так не вовремя...

Трагичное ворчание комиссара прервала приятная латиноамериканская мелодия, то ли сальса, то ли танго. Мужчина растерянно принялся оглядываться по сторонам. Конни тоже, пока не поняла, что это звонит её мобильный телефон в кармане платья. Она не была сильно зависима от гаджетов да и звонили ей в последние месяцы, в общем, довольно редко, поэтому она всегда этому немного удивлялась. Сообра-

жив, что к чему, девушка извинилась перед собеседником и взглянула на дисплей, который светился знакомым именем. Уверенно Конни поднесла трубку к уху и позвала брата:

– Берт.

– Да-а, Конни, ты далеко ушла? У нас тут случилась небольшая неприятность...или нет, не знаю... – сбивчиво принялся тараторить братец. Голос его звучал как-то нервно и возбуждённо, поэтому был риск, что эта беседа затянется, превратится в шарады или в «угадай, что я имею в виду», а выслушивать всё это при столь неоднозначных обстоятельствах и в присутствии комиссара девушке очень не хотелось.

– Конкретнее, пожалуйста, – суровым тоном попросила она.

– Конни, милая, что случилось? – уж кто-кто, а Берт всегда узнавал этот её голос. И вполне обоснованно от него брату всегда становилось не по себе. Уж очень хорошо он был в курсе того, как может меняться поведение сестры в случае чьей-то смерти или очевидной угрозы.

– Берт, закончи свою мысль, – изо всех сил Конни попыталась смягчиться, но получилось довольно натянуто.

– Ладно. Думаю, в течение следующего часа наш с тобой приезд перестанет быть секретом.

– Ох, – Констанция опасливо оглянулась на присутствующих в кухне комиссара и сержанта. Оба с интересом наблюдали за её разговором и не торопились делать свою работу, а это, кстати, страшно бесило. Больше долгих морских пу-

тешествий она ненавидела, пожалуй, только плохой менеджмент и неорганизованность. День этот становился всё запутаннее и сложнее, а интуиция подсказывала, что есть только один радикальный способ всё немножечко упростить. Нервно Конни щёлкнула языком и проговорила сдержанно: – Мне всё понятно. Что ж, это не конец света...

– Конии-и, а ты где?

– Я в доме нотариуса Совиньи, – подумав немного и всё хорошенько взвесив, пояснила она брату. – Её, судя по всему, убили, а я нашла труп. За меня не беспокойся, всё в порядке. Я вызвала полицию, меня сейчас допрашивают, знаешь ли. Хоть и без огонька. Думаю, раз уж ты каким-то образом выдал общественности нашу безобидную тайну, то свободные прогулки по городу стоит отложить до лучших времён. Но я была бы не против, если б ты за мной зашёл сюда. Это недалеко, всего в паре кварталов от «тюльпанового дерева», найдёшь? Это дом нотариуса, её здесь все знали...

– Я найду, не переживай.

– Хорошо, спасибо. Буду ждать... О, да! И постарайся шум лишний раз не поднимать, ладно? Город, конечно, кажется безлюдным, но это впечатление обманчиво, – попросила Констанция и, получив от Берта согласие, отключила связь.

В кухне было тихо и тревожно, и Конни буквально физически ощущала, как прожигает её своим суровым взглядом комиссар Варга. Первым подал голос неуклюжий моло-

дой сержант.

– Эм...знаете, мадам, – пустив петуха, надрывно выпалил он, – вы неверно подбираете слова. У нас тут самоубийство...

– Смотря как на это взглянуть, – пожала плечами Конни. – Ведь у нас есть тот, кто совершил убийство, и тот, кого убили. Правда, по вашей версии это один и тот же человек, но факт остается фактом. С логикой ведь не поспоришь?

– Ну... – болезненно и со скрипом соображал юноша, и этим злил комиссара ещё сильнее. Констанция наблюдала за потугами паренька и наливающимися кровью глазами его начальника, даже немного веселясь. Правда, эти её чувства оставались спрятаны под коркой абсолютной уверенности в себе и прохладной невозмутимости. На лестнице в холле слышался грохот и звон бьющегося стекла. Варга рявкнул на сержанта, и тот, сорвавшись с места, отправился выяснять, что же стряслось.

– Вот поэтому я и не люблю чужаков! – чуть не выкинув (видимо, по старой привычке) свою электронную сигарету в раковину, прорычал комиссар, обращаясь к Конни. Девушка изумлённо вскинула брови.

– Простите?

– Вы заявляетесь непонятно откуда, врзаете в чужие дела и ведёте себя здесь по-хозяйски, словно все должны перед вами прыгать и заигрывать, – не медлил с пояснениями

побагровевший от злости мужчина. – Думаете, это весело? Поглазели на труп и теперь вволю посплетничаете об этом со своими полоумными родственничками?

– Лучше бы вам смягчить тон, комиссар, – посоветовала Констанция бесстрастно. – Я не сделала ничего плохого. Сожалею о смерти вашей знакомой или, может, подруги, но не стоит срывать своё раздражение на мне. Это непрофессионально.

– Не профессионально? А вы, значит, большой профессионал?

– Нет, но даже я понимаю, что у вас тут творится бессовестный бардак! Вы вообще не боитесь, что ваши орлы сейчас порушат и затопчут место преступления да ещё и труп несчастной госпожи Совиньи уронят по дороге? На вашем месте я бы боялась, – теряя терпение, отвечала Конни. Доводы у неё были жестокие, но бесспорные. Варга был одновременно зол и пристыжен, ему этот разговор давался тяжело. Констанция попыталась вообразить себе, какая жуткая каша сейчас творилась в его голове. А потом она вспомнила, как за обедом Севилла и Руфь шептались о какой-то трагедии. – А вообще... – задумавшись ненадолго, проговорила девушка, – это ведь не единственное несчастье, выпавшее на долю Линсильвы, так?

– Кхм-кхм!.. – отворачиваясь, комиссар закашлялся и тяжело вздохнул. Затем Конни совершенно отчётливо услышала, как мужчина пробормотал себе под нос незнакомую мо-

литву, в которой ясно прозвучало имя Линсей. От услышанного у неё по спине пронёсся рой мурашек с холодком. Как же сложно было вдруг осознать, что этот грозный тип в молитвах своих обращался к их с Бертом предку. Ответственность эта давила со всех сторон и изнутри. Тем не менее, слова её (или же произнесённые самим комиссаром священные слова) возымели некоторый эффект. Варга успокоился и, выдержав долгую паузу, предпринял неловкую попытку принести извинения. – Поймите меня правильно, госпожа Маршан, но вы многого не знаете и не понимаете. В Линсильве, да и вообще на острове, происходят сложные и неоднозначные процессы. И да, это не первая трагедия за последнее время. С тех пор, как не стало нашего доброго друга и покровителя Августа Ди Грана беды так и сыплются на наши головы. Неделию назад похоронили молодую девушку, а ещё вчера была найдена мёртвой её подруга. Меня печалит и злит одновременно то, что Исидора пустила себе пулю в висок, да ещё и в такое непростое для города время...

– Ну так не злитесь на неё, господин Варга, – попросила Конни, – потому что она этого не делала. Если бы вы вдруг спросили моё мнение, я бы пояснила, почему я так считаю.

– Как великодушно с вашей стороны, – уже без фонтанирующей злобы, но всё же с некоторым презрением хмыкнул комиссар. – Вы у себя на материке были детективом? Или просто любите по любому поводу высказывать своё мнение?

– То есть вы просто не хотите усложнять себе работу? А

мне, знаете ли, здесь ещё жить. Не очень-то приятно гулять по одной улице с убийцей, – не теряя хватки, настаивала девушка. – Вы видели кабинет там, наверху? Запустите туда Квентина Тарантино, и можно сразу кино снимать! Кровищи по стенам и на столе видимо-невидимо...

– Вы весьма впечатлительны, госпожа Маршан. Всё дело в калибре оружия, знаете ли...

– ...триста пятьдесят седьмой магнум, если не ошибаюсь? – бодро подхватила Констанция и оскалилась в победной улыбке. На самом деле, она не сильно разбиралась в оружии, но кое-какие полезные знания имелись в её арсенале. И только девушка, выросшая с нахальным братом, может понять, каково это, когда удастся впечатлить мужчину подобными вещами. Варга заметно опешил, глаза его округлились. – У госпожи нотариуса под ногами валялся коллекционный «Колт Питон» с памятной гравировкой, как я заметила. Раритетная вещица, но мощная настолько, что застрелиться ею было явно не лучшей идеей.

– М-м, да, но это был подарок от её покойного мужа. Исидора очень любила этот пистолет, – Варга говорил уже серьёзнее, ровнее и без издёвки. Конни это понравилось, и она невольно улыбнулась.

– То есть многие люди знали о том, что он у неё есть?

– В основном, приближённые...

– А ручка?

– Какая ещё ручка?

– У госпожи нотариуса в руке была позолоченная ручка, – поспешила напомнить Констанция, а затем с интересом наблюдала за тем, как лицо комиссара светлеет и преобразается. Мужчина замер и с нескрываемым изумлением взглянул на свою собеседницу. – Что же она писала, господин комиссар, если предсмертная записка была напечатана на машинке заранее и спрятана за картиной?

– Госпожа Маршан! – в кухню вбежал всё тот же неуклюжий тощий сержант, весь потный и румяный. Конни даже показалось, что его вот-вот вырвет от перенапряжения. – Тут пришёл человек, который говорит, что он ваш брат... а ещё... что... что...

– Да отдышись ты, черт побери! – гаркнул Варга, и сержант мигом пришёл в себя.

– Люди снаружи говорят, что мы не имеем никакого права задерживать госпожу Ди Гран, комиссар, – роботом отчеканил парень.

– Какую ещё госпожу Ди Гран, Сайлас, ты совсем перегрелся?

– А это он обо мне, – отмахнулась Констанция небрежно. Она не знала точно, брат ли это выдал её или кто-то другой (ведь несчастный запуганный полисмен сказал «люди снаружи говорят...»), но она и так собиралась раскрыть эту интригу. Не было никакого смысла разыгрывать карту заблудшего туриста.

– Что вы имеете в виду? – не понял мужчина и обдал де-

вушку очередной порцией грозных взглядов и подозрительности.

– Это жуткая путаница с двойными фамилиями ещё не раз испортит мне настроение, – тяжело вздохнула Конни, принимая очевидную истину. – Моё полное имя Констанция Маршан – Ди Гран. Двойная фамилия и всё такое. Я же говорила, что у меня здесь родственники...

– Так вы?..

– Мы с братом – внучатые племянники покойного Августа. Хотели, что называется, погулять инкогнито... – призналась девушка и почувствовала, как ото всех этих разговоров у неё начинают болеть виски. Этот день был слишком сложным, слишком многое он пытался втолкнуть в голову Констанции, словно настырный пассажир с огромными сумками, втискивающийся в вагон метро в самый час пик. Она не могла это остановить – пассажиру надо было кровь из носу попасть на свою станцию. Изю всех сил пытаюсь привести сознание в порядок и восстановить ход мыслей, она отвлекалась и не слышала, как Варга сбивчиво пытается подобрать слова, заикается и как-то совершенно по-новому рассматривает её. И не только он: теперь на неё откровенно пялились все, начиная с по-поросычьи розового сержанта и заканчивая санитарями и зеваками на улице. Весь путь девушки от тесной кухни до ворот дома нотариуса сопровождался пристальными и весьма навязчивыми взглядами жителей Линсильвы, явившихся словно из ниоткуда. Где же они прятался?

лись всё это время? И почему теперь жара их нисколько не смущает?

– Конни! – навстречу ей вышел брат с рыжей девушкой удивительной колдовской красоты. Она в ужасе смотрела то на Констанцию, то на чёрный пластиковый пакет на носилках, который выносили следом. Явно понимая, кто в нём лежит, красавица ахнула и тут же прикрыла рот рукой.

– Откуда здесь столько народу? – кое-как преодолевая туман в голове, спросила Конни. Люди выглядывали из окна дома напротив, несколько человек стояли чуть вдалеке, за оградой, а какая-то кучерявая горбатая старушка неразборчиво причитала на всю улицу, одновременно оплакивая покойную и тут же (что поражало) восхваляя прибывших наследников.

– Она увязалась за нами, – извиняясь за странную пожилую особу, пояснила рыжая спутница Берта. – Гвиневра безобидна, но может быть жутко несносной...

– Ясно, – кивнула Конни и протянула вперёд руку. – Констанция Маршан.

– Роза, – поймала рукопожатие незнакомка.

– Ах, да, – очнулся братец, – прости, Конни. Роза – хозяйка «тюльпанового дерева». Она была очень добра и показала мне дорогу. Ты в порядке?

– В полном, – отозвалась сестра спокойно. – Оказывается, тут автобусы уже неделю не ходят, представляешь?

– Она в шоке? – осторожно поинтересовалась Роза шёпо-

том, изумлённо глядя на Берта. Ей было совершенно непонятно, как после всего увиденного в доме нотариуса, новоприбывшая наследница может рассуждать о забастовке в депо. Да ещё и таким пугающим тоном.

– Нет, она просто выключилась, – запросто пояснял Берт, приобнимая сестру за плечи и отводя в сторону. Навстречу им быстрым шагом вышел комиссар Варга.

– Здравствуй, Роза. И ты уже в курсе?

– Да, это ужасно. Что случилось? Говорят, самоубийство?

– Вроде того, – неопределённо отреагировал мужчина и внимательно осмотрел обоих Маршанов. На мгновение он замер, осознавая потрясающее внешнее сходство брата и сестры, а затем и их явную принадлежность к известному семейству. В горле у комиссара пересохло, но он всё же заговорил вновь, представляясь Берту. – Комиссар Дион Варга.

– Берт Маршан, – отозвался юноша. – О чём вы так долго расспрашивали сестру? Она же совершенно ни при делах!

– Скорее, это она меня допрашивала, знаете ли. И отчитывала заодно, – с досадой парировал мужчина. Берт посмотрел на Конни и хитро ухмыльнулся.

– Ладно, это похоже на правду, – хихикнул он. – У вас есть ещё вопросы? Мы очень устали и хотели бы вернуться в поместье, пока нас не обступила толпа...

А это было вполне возможно, ибо людей на улочках Линсильвы становилось всё больше. Вместе с Гаем прибежали какие-то мальчишки, а ещё из-за угла выехали три машины

и остановились совсем рядом, как бы просто паркуясь, но по лицам водителей было видно – они специально примчались сюда, чтобы вдоволь поглазеть на наследников. И на место преступления заодно. Апогеем происходящего безумия стал тот момент, когда на улочке появился фургончик местного телевидения, и из него, спотыкаясь и чуть не роняя технику, высыпала команда репортёров.

– Я вас увезу, – пообещал Варга и, грозно велев зевакам расступиться, повёл Маршанов и Розу к своей машине. В салоне было невыносимо жарко, сидения нагрелись так, что обжигали ноги и спину, а воздуха было категорически мало для четверых. И, возможно, именно поэтому, как только автомобиль кое-как объехал столпившихся людей и телевизионщиков, Конни вдруг поняла, что перед глазами её пляшут тёмные пятна, а краски окружающего мира стремительно бледнеют. Она потянулась было к окну, чтобы его открыть, но по совершенно адекватным причинам задние окна полицейской машины не предусматривали возможность «проветриться». Несколько раз она попыталась заговорить, чтобы попросить Варга открыть хотя бы передние окна, но так и не смогла. Язык её высох и почти не двигался, а туман в голове окончательно победил. Упав брату на плечо, Констанция потеряла сознание.

Глава 6

Она очнулась уже в замке, но не сразу это поняла. Помещение было заполнено сладкой и столь желанной прохладой. Конни поймала себя на мысли, что лежит с закрытыми глазами и блаженно улыбается, медленно вдыхая хрустально чистый воздух. Разомкнув веки, она готова была к тому, что придется долго привыкать к свету, но такой необходимости не возникло. Констанция приподнялась на локтях и растерянно огляделась по сторонам.

Она лежала на красивой кушетке с замысловатой боковой спинкой, обитой мягким зелёным бархатом, но другой мебели в просторном зале практически не было. Вероятно, это было одно из тех помещений, которые оказались не заполнены после ремонта. С другой стороны, вид из огромных витражных окон, поглотивших четверть всего пространства зала, заменял собою любые украшения и роскошные интерьеры. За стеклом на ветру шевелились кусты белых роз, а выложенные камнем тропинки вели сначала к сверкающему пруду, а затем и к границам сказочной самшитовой рощи. Одна из створок окна была распахнута настежь, исполняя, таким образом, ещё и роль двери. Констанция пошла к ней, и шаги её эхом отдавались в пустоте зала. Уже у самого выхода она слышала знакомые женские голоса.

– И от чего же ты пытаешься их оградить? От реально-

сти? – усмехнулась одна из собеседниц, в которой Конни узнала Розу, с которой её познакомил Берт. – Или, может, ты надеешься, что они всю жизнь просидят в стенах замка и никогда не поймут, какие мы странные?

– Ох, было бы неплохо... – магическим блюзовым голо-сом отозвалась Севилла Сапфир. – Нет, конечно, я не хочу ничего от них скрывать, но людям с материка лучше подавать информацию аккуратными диетическими порциями. Это же гораздо разумнее, не находишь?

– Как бы так не вышло, чтобы наследники сочли это оскорблением, – предупредила Роза, и среди их беседы отчётливо послышался звон посуды. Конни решительно шагнула за порог и выглянула на улицу.

За углом оказалась красивая застеклённая веранда. Снаружи она визуально сливалась с фасадом того помещения, откуда только что вышла Констанция, но внутри они были разделены. Это казалось девушке весьма нетривиальным архитектурным решением. Она сразу представила, как в зале, оставшемся позади, можно было бы устроить праздник с танцами, а пространство веранды отвести под фуршет. Ей всегда нравилось, когда люди ели и танцевали в отдельных зонах, а на улице можно было бы отдыхать, дышать свежим, наполненным древесными и цветочными ароматами, воздухом. Не то чтобы Конни сильно любила подобные мероприятия, но в последние годы в жизни остро не хватало чего-то такого, похожего на картинку из фильмов про счастливых и

красивых людей. Особенной изюминкой в личном жизненном опыте госпожи Маршан было то, что она в свои неполные двадцать семь лет успела прикоснуться и к роскоши, и к бедности, причём состояния эти время от времени чередовались. Она не была избалована богатством, прекрасно осознавая, каким мимолётным может быть успех, но и ни капли не боялась его. Возможно, именно из-за этого её запросто принимали за «свою» и простые люди, и манерные европейские буржуа.

За стеклом веранды были отчётливо видны силуэты беседовавших Розы и Севиллы. Попутно они сервировали стол, раскладывая приборы и расставляя тарелки. В центре созданной ими композиции стояла изящная хрустальная ваза с жёлтыми тюльпанами. Двери веранды тоже были открыты настежь, но усилившийся чуть прохладный ветер то и дело норовил захлопнуть их, поэтому госпожа Сапфир предусмотрительно придержала их двумя садовыми стульями.

– Констанция! – улыбнулась домоправительница, увидев Конни, направляющуюся к ним. – Очнулись, наконец-то...

– Да, – кивнула девушка, – видимо, я плохо переношу духоту...

– А я считаю, что Севилла не должна была спроваживать вас на прогулку в такой жаркий день, да ещё и после столь долгого путешествия, – осуждающе покачала головой Роза. Её огненные рыжие локоны были собраны в неряшливый, но

очень милый хвост на затылке, а одета она была в простое белое платье с цветочным рисунком, всем своим видом заметно контрастируя с элегантной и аристократичной госпожой Сапфир. Тем не менее, общались они на равных, будучи, судя по всему, давними знакомыми.

– Соглашусь, сейчас это уже не кажется мне такой уж хорошей идеей, – пожалала плечами домоправительница, – но вы хоть мельком взглянули на Линсильву. Это тоже результат!

– И на труп госпожи Совиньи заодно, – хмыкнула Роза саркастично. – Отличное первое впечатление от острова, не правда ли?

– Вы не кажетесь сильно расстроенной, – заметила Конни. – Просто мне сначала показалось, что вы знали нотариуса...

– Да, мы все знали Исидору, – так же, не выражая излишней скорби, за Розу ответила Севилла и плеснула в стакан воды из графина. – Жуткая трагедия, весьма неприятная. Но лично меня больше беспокоит смерть бедняжки Роуэн...

– А это нормально, что мы различаем их по степени важности? – нахмурилась Роза, а затем тяжело вздохнула и обратилась к Конни печально. – Мне жаль, что вы застали все эти события. На самом деле, в Линсильве живут очень добрые и приветливые люди, и честные в большинстве своём. Немногие здесь будут стенать от горя из-за смерти Исидоры. Она была сложной женщиной. Скорее, местных пугает то, сколько смертей выпало на долю нашего городка в послед-

ний месяц. И самоубийство госпожи нотариуса лишь усугубит это напряжение...

– А что конкретно случилось? Комиссар Варга говорил, что умерли ещё две молодых женщины, – поинтересовалась Констанция осторожно и тут же огляделась по сторонам в поисках недостающих гостей. – А где он, кстати? И Берт...

– Комиссар вернулся в город, а Берт сейчас с Виолеттой, – пояснила Севилла. – Он отнёс ей розовых бессмертников и теперь предпринимает бессмысленные попытки убедить её присоединиться к нам.

– Почему бессмысленные?

– Она не выйдет на веранду, пока не начнётся гроза, – улыбнулась Роза. И действительно – в воздухе витало предвкушение бури. Ветер становился всё более резким, пригоняя к острову облака, а жара постепенно ослабевала. Смешиваясь между собой, тёплые и холодные воздушные потоки формировали комфортные, но и тревожные ощущения. – ...а Севилла уверена, что гроза начнётся не раньше восьми вечера. Вот они и препираются. Одна не может допустить, чтобы её грело солнышко, а другая терпеть не может опозданий к ужину. Как правило, госпожа Сапфир сдаётся первой!

– Иногда лучше сохранить силы, дорогая моя, чтобы приберечь их для более подходящего случая! – фыркнула Севилла и выпила воды из своего стаканчика. – Например, когда придёт время принимать гостей. Уж тогда я не отступлюсь, поверь мне!

– И всё же, – возвращаясь к изначальной теме разговора, вступила Конни, – что случилось с теми женщинами?

– Нет никакого смысла от них это скрывать, – обменявшись с домоправительницей тревожными взглядами, вновь озвучила свою позицию Роза. – Констанция, поймите Севиллу правильно. Она ни в коем случае не намеревалась ввести вас в заблуждение или обмануть, а, скорее, оградить от некоторых вещей, которые с непривычки могут показаться приезжему человеку странными.

– Да, я так и поняла. С другой стороны, хоть это и ужасно, но ничего странного в смерти нет. Это вполне естественно, а на материке случается даже в разы чаще...

– О, нет. Дело не в смерти, а в нашем острове в целом, – поспешила объяснить Роза. – Общество у нас построено не так, как в других странах. Мы живём и верим по-другому, у нас своеобразные традиции и вообще...

– Комиссар Варга говорил что-то про полицейскую реформу и островной совет, – вспомнила Конни. – Это из той же оперы, как я понимаю?

– Ох, ещё же про совет надо рассказать... – устало вздохнула Севилла и, откинувшись на спинку стула, нервно потёрла виски. Внезапно на веранде стемнело – над замком нависла тёмно-серая грозовая туча. – Констанция, зачем вы себя мучаете? Вы же только приехали, а уже забиваете голову! Почему бы вам просто не порадоваться богатству и жизни в фамильном гнезде какое-то время? Симеон приедет зав-

тра-послезавтра и проведёт с вами скучные обучающие беседы, а пока можно и отдохнуть немного...

– Я была бы вовсе не против, если бы сегодня мне не испортил впечатления вид женщины, мозги которой оказались размазаны по репродукции картины моего отца, – возразила Конни спокойно. – Я не особенно верю в знаки судьбы, господа Сапфир, но это, знаете ли, произвело на меня некоторое впечатление. Сложновато будет это теперь игнорировать.

– Ужас... – живо представив себе описанную ситуацию, с горечью выпалила Роза и тоже налила себе воды, надеясь приглушить подступающую тошноту.

– Итак...островной совет? – поторопила её Конни.

– Это основной управляющий орган на Сен Линсей. Что-то вроде парламента, но проще и понятнее. Островной совет состоит из представителей нескольких аристократических фамилий, каждая из которых имеет родственное отношение к святому Линсею, – пояснила Роза. – Ди Граны возглавляют совет, как признанная основная родовая линия, но у нашего покровителя были ещё дочери и пара внуков, родившихся при его жизни. Их родовые линии так же имеют свой вес в общественной жизни острова.

– И сколько сейчас человек состоят в совете?

– Около тридцати в целом, но активное участие принимают лишь десять-пятнадцать.

– То есть власть на острове сосредоточена в руках буржуазии?

– Вроде того, – кивнула Роза, подумав немного. – Хотя фактически власть на острове держит семья Ди Гран, потому что по старым законам только их слово можно считать решающим в любом споре.

– Ты её сейчас запутаешь, – предупредила госпожа Сапфир, но Конни была не из тех, кого легко запутать. Она быстро соображала.

– Я так понимаю, до недавнего времени Август Ди Гран возглавлял островной совет, – произнесла она вдумчиво и неторопливо, дабы не спугнуть сформировавшуюся мысль. – А кто же во главе сейчас?

– Хм-м...Амандин Тенебрис, я полагаю? – Роза с сомнением посмотрела на Севиллу. Та уверенно кивнула.

– Именно так, – подтвердила домоправительница и поспешила продолжить, разъясняя детали, – Амандин – матриархат рода Тенебрисов, одного из древнейших на острове. После смерти Августа именно Амандин взяла инициативу в свои руки, поскольку Виолетта совершенно не желает принимать участие в дискуссиях и обсуждениях решений островного совета. Тенебрисы очень богаты и влиятельны, им принадлежит несколько угольных шахт на материке, также они, как и вы, являются совладельцами местных виноделен. Живут они в Калимонтеме, крупнейшем городе на Сен Линсее, что расположен в северной его части.

– Эта женщина утвердила реформу?

– Да, вероятнее всего.

– И в чем была её суть?

– Сокращение бюджета островной полиции и комиссариата, – Севилла подчёркнуто безразлично пожала плечами. – Раньше молодых офицеров полиции отправляли на обучение на материк, а теперь этого не делают. Зарплаты и льготы тоже сильно ужали.

– Многие уволились, – Роза печально вздохнула и нахмурилась, – а неопытная молодёжь страшно раздражает тех, кто ещё остался. Комиссар Варга вон весь багровый от злости ходит!

– Милая Роза, комиссару Варга палец покажи, и он взбесится, – фыркнула Сапфир пренебрежительно. – Ему бы нервишки подлечить не мешало, и полицейская реформа тут ни при чём...

– Вы правы, – Конни невольно усмехнулась, вспоминая поведение комиссара, но быстро собралась с мыслями, – тем не менее, всё это не кажется мне хорошей идеей. Я имею в виду сокращения и упразднение квот на обучение новых сотрудников. Но погодите-ка, разве такой беспорядок может настать всего за один месяц? Августа не стало четыре недели назад, если я не ошибаюсь...

– В последние два года он сильно болел, – пояснила Роза, – и, вероятно, Амандин воспользовалась этим, чтобы продать свои идеи. Полагаю, она хотела как лучше...

– Констанция, не забивайте себе голову этим раньше времени. Или вы увлечены политикой и административной де-

тельностью, как некоторые увлекаются яхтенным спортом и танцами?

– Я увлечена своей новой жизнью, мадам, – Конни улыбнулась и одарила своих собеседниц на удивление тёплым и спокойным взглядом для человека, успевшего за этот день повидать так много. – Вы говорите, что местные жители почитают наследников святого Линсея, чтят свои традиции и живут своей особой островной культурой, рьяно оберегая её, но при этом требуете от меня не вникать в это? Не слишком разумно, как по мне. Роза права – вы должны дать нам максимум информации, ввести в курс дела и ничего не упускать, иначе нам здесь нелегко придётся. Конечно, вы можете пока пощадить разум Берта в вопросах политики и административной деятельности, но за меня беспокоиться не стоит. Уж в чём я разбираюсь, так это в скучных собраниях и кулуарных интригах...

– Это чистая правда, дамы! – подтвердил Берт, появляясь на веранде в сопровождении Виолетты, чёрной тенью шедшей чуть позади. – Конни училась в Сорбонне на одном из самых занудных факультетов в мире, хотя могла бы изучать искусство!

– Вы совершили чудо, Адальберт! – всплеснула руками Севилла, поднимаясь со своего стула. Очевидно, она имела в виду удавшуюся с первого раза попытку Маршана повлиять на нелюдиму родственницу. – Как вам это удалось? Раскройте ваш секрет!

– Таков мой волшебный дар, – пожал плечами парень и уверенным шагом направился к столу, занимая место между Розой и Констанцией. У последней он тут же поинтересовался, как она себя чувствует.

– Не выдумывайте, – застывая на пороге между домом и верандой, произнесла Виолетта апатично. – Я предупреждала, что не спущусь, пока не начнётся гроза. И я сдержала своё слово.

– Что ты говоришь? Но ведь никакой грозы ещё не... – раскатистый гром оборвал на полуслове надменную речь Севиллы, указывая на явную победу её племянницы. Виолетта одарила присутствующих долгим и пристальным взглядом, который у неё, судя по всему, заменял злорадствующую улыбку, ибо кукольное лицо девушки оставалось всё таким же неподвижным и бесстрастным. Затем она медленно проплыла к столу и под шум первых капель дождя, постукивающих по стёклам, заняла своё место по правую руку от Констанции. Домоправительнице попросту ничего не оставалось, кроме как признать своё поражение и присоединиться к трапезе.

На веранде стремительно темнело по мере того, как чёрная грозовая туча расплзалась по небу над островом, поэтому теперь основным источником освещения стали три подвесных фонаря под потолком. Они распространяли пятна жёлтого электрического света исключительно на стол и на тех, кто за ним сидел, очерчивая границу между этим тёп-

лым уголком и всем остальным миром, медленно погружавшимся в захлёбывающуюся дождём тьму. Хотя двери теперь и были закрыты, но от них всё равно ещё немного сквозило, и редкие капли настойчиво пробивались внутрь веранды, желая присоединиться к светской беседе собравшихся особ.

Эта трапеза была заметно менее официальной, чем обед в теневой столовой. Лаконичная и элегантная русская сервировка, когда каждое блюдо подаётся индивидуальными порциями, сменилась на демократичную французскую. На столе стояли разноцветные пиалы со свежими салатами, горячим картофелем и бататом с лениво расплзающимися по ним шелковистыми кусочками сливочного масла, а на широкой плоской тарелке веером были разложены тонкие ломтики бекона и разномастных колбас, небрежно присыпанные оливками.

Виолетта почти ничего не ела в то время, как Маршаны уплетали одну порцию за другой с какой-то особой жадностью, но не забывая при этом активно поддерживать беседу. В основном за столом обсуждалось знакомство Берта с Розой, а также объяснялась суть общества «дамы цветов» для несведущей Констанции. Тема смерти нотариуса и других женщин старательно обходилась стороной, дабы не портить впечатление от этого приятного, хоть и дождливого, вечера.

– Так вы хорошо разбираетесь в народной медицине? – спросила Конни у Розы, допивая очередной бокал гранатового вина. Воздух на веранде становился влажным и душно-

ватым, но открыть окно означало бы впустить в их идеальный вечер шум нарастающей грозы, резкий ветер и потоки воды. У многих за столом блестели лица от проступившей испарины, но никого это особо не смущало.

– Да, но и вполовину не так хорошо, как Виолетта, – отвечала Роза с улыбкой. Упомянутая юная госпожа Ди Гран ничего на это не сказала, продолжая лениво ковырять кусок батата вилкой. – Она скромна, – усмехнулась рыжая нимфа, продолжая свою мысль, – но очень умна. Август даже хотел отправить её учиться на материк, но Ви совершенно не выносит больших скоплений людей, поэтому она учится в Университете Линсильвы заочно.

– Правда? И что же ты изучаешь, Виолетта? – не теряя надежду расковырять толстый панцирь двоюродной тетюшки, поинтересовался Берт. На веранде повисла долгая пауза в ожидании ответа от девушки и, словно подыгрывая намерениям Маршана, Роза и Севилла так же замолчали, не желая говорить за неё.

– Фармакогнозию и токсикологию, в основном, – наконец, Виолетта сдалась и посмотрела на парня с выражением глубочайшей усталости и внутреннего преодоления. Это была самая отчётливая и яркая эмоция сей апатичной особы за этот день. Берт явно добился некоторых успехов и оттого, видимо, так сияла теперь его широкая улыбка.

– Как интересно! – воскликнул он воодушевлённо.

– На самом деле не очень, – призналась Роза с усмешкой. –

Ви изучает лекарства и яды на основе органики, растений в том числе. Странные зелья, которые она варит в своей лаборатории, пугают даже её преподавателей и семейного врача. Так что, если вы слишком сильно увлечётесь стремлением вытащить её из зоны комфорта, Виолетта вполне может вас отравить так, что ни одна экспертиза этого не докажет.

– Прежде чем вы что-то ещё скажете, – неожиданно бодро отреагировала на эти слова юная Ди Гран, – предупрежу вас сразу, Берт: пока вы светите лицом и общаетесь с людьми вместо меня, я нисколько не заинтересована в вашей смерти. С другой стороны, в словах Розы всё же есть небезосновательный посыл. Я не люблю, когда меня дёргают по пустякам.

– Вот как, – хмыкнул Маршан, – буду иметь в виду...

– О каких ужасах вы говорите! – возмутилась Севилла. – Да ещё и за столом! Мало вам что ли жутких историй и смертей?

– Вы боитесь темы смерти так, словно этот разговор приблизит вашу, – отозвалась Виолетта и почти улыбнулась. Госпожа Сапфир раздражённо поджала губы и метнула в племянницу ястребиный взгляд.

– Нет, милая, но это может испортить мне настроение и приблизить её для кого-то из вас! – шикнула она и тут же отругала саму себя. – Ох! Ну, вот опять! Я более не желаю слышать угроз, разговоров о ядах и убийствах в стенах этого дома! По крайней мере, пока мы все более-менее не отдох-

нём. Тема закрыта!

— О чём вы тогда предлагаете поговорить? — спросила Конни.

— Мы находимся в таком живописном месте, так почему бы не побеседовать об искусстве? Вам с Адальбертом эта тема должна быть близка, — пожала плечами домоправительница. Берт разлил по бокалам женщин остатки вина, осторожно поглядывая на сестру. Ему важно было уловить её настроение, чтобы понять, стоит ли поддерживать инициативу Севиллы. Так или иначе, любой разговор об искусстве в присутствии Маршанов привёл бы к расспросам об их отце, а тут было очень важно понимать, как это отразится на расположении духа Констанции. Сейчас она казалась достаточно умиротворённой и приветливой — вполне неплохой старт.

— Берту эта тема ближе, чем мне, — спокойно проговорила она. — Я не сильна в искусствоведении. Оказывается, не все дети наследуют таланты своих родителей...

— Конни у нас весьма прагматичная личность, — согласился брат. — А ещё сметливая и внимательная. И это замечательно, как по мне. Нет ничего, что ускользнуло бы от её зоркого взгляда. Если родители теряли что-то, она всегда это находила. Приходилось ей разыскивать и меня... причем неоднократно!

— Боюсь, это как раз характеризует не меня, а тебя, Берт, — Конни рассмеялась. Роза подхватила её смех негромким хихиканьем, и Севилла тоже заметно подобрела.

– Наверняка вас часто просят рассказать об отце, – упомянула она с пониманием и небрежно смахнула пот со лба. На веранде было влажно и жарко, как в теплице, но за окнами дождь лил стеной, размазывая пейзаж до неузнаваемости. Яркая голубоватая вспышка молнии на долю секунды осветила их уютный островок, а затем дополнила вечер раскатистым ударом грома.

– Да, постоянно. И это утомляет, – призналась Конни честно, – но, с другой стороны, мы не можем запретить людям интересоваться. Личность знаменитости всегда кажется им непостижимой и манящей загадкой...

– ...хотя в сущности это был человек. Такой же как вы и я, – дополнил Берт уверенно, – из плоти и крови. Многих это почему-то удивляет.

– А каким он был лично для вас?

– Замечательным и заботливым, – кратко изложила Конни и взглянула на брата. Он согласился, и больше они ничего говорить об этом не стали. Остальные дамы не настаивали и клещами не вытягивали из них больше историй, чем окончательно расположили к себе наследников. Вечер подходил к концу, а гроза становилась всё более пугающей. Теперь молнии сверкали чаще, а удары грома раздавались с меньшим от них разрывом. Тарелки и пиалы на столе опустели. От вина многих тянуло в сон, но только не Конни. Ей одной удалось за день вздремнуть аж дважды, поэтому она была бодра и энергична, несмотря на волшебный усыпляющий коктейль

из винной дымки в голове и ритмичного шума дождя за окном.

– Роза, ты, конечно же, остаёшься, – констатировала госпожа Сапфир, поднимаясь из-за стола. – Я велю Иве постелить свежее бельё в той гостевой, где ты обычно останавливаешься...

– Зачем ты будешь гонять бедную девочку на ночь глядя? – отмахнулась гостя.

– Дай мне плед с подушкой и я как-нибудь переживу эту ночь...

– Ох уж эти твои деревенские манеры, – беззлобно фыркнула Севилла, вполне готовая сдаться. Роза широко улыбнулась и, подойдя к домоправительнице, по-дружески обняла её за плечи.

– А ты ожидала от меня аристократизма, милая Севилла? Откуда ж ему взяться? – промурлыкала рыжая нимфа и чмокнула женщину в щеку. – Не трогай Иву, не переживай и не носись со мной, как будто я какая-нибудь дочка Тенебрисов! Твоего общества и гостеприимства мне более чем достаточно!

– Ладно-ладно! – протянула Севилла, отстраняя от себя чуть захмелевшую Розу.

– Но теперь наследники подумают, что я плохая хозяйка, и наймут кого-то получше. Надеюсь, тогда ты поймёшь всю важность чистой заправленной постели...

– Каков смысл в чистой заправленной постели, если раз-

делить её не с кем? – звонко рассмеялась красавица в ответ и театрально развела руками. Берт изумлённо вскинул брови, не переставая при это улыбаться так, словно улыбку эту ему к лицу пришили. Их с Розой взгляды встретились, и оба почему-то тут же громко расхохотались.

Ещё немного они невнятно шутили, а затем все двинулись по своим направлениям: Севилла с Виолеттой и Розой в западную часть дома, Берт – в восточную, а Конни – в южную. Уже во внутреннем дворике, где вода столбом заливала магнолии и розовые кусты, собираясь разойтись по сторонам, брат и сестра ненадолго остановились под крышей, чтобы пожелать друг другу спокойной ночи.

– Тебе правда нравится идея жить так далеко ото всех? У меня такое чувство там, в моей части дома, словно я оказался на необитаемом острове. Что ещё хуже – остров этот напичкан старинными портретами, тёмными коридорами и скрипучими полами...

– Ты что, боишься? – усмехнулась Конни. – Кого? Привидений или одиночества?

– Не знаю, – нахмурился парень. – Всего и сразу. Нет, я не трясусь от ужаса, и спать с включённым светом тоже не собираюсь. Просто мне не по себе от этих одиноких старых стен...

– Зато у тебя есть возможность о многом подумать в тишине и уединении. Относись к этому философски, Берт, – предложила девушка. – А перед сном представь что-нибудь

красивое и приятное...

– Например?

– Например, нашу рыжую гостью, – улыбнулась Констанция и смерила братца ехидным взглядом. – Да-да, дружок. А ты думал, я ничего не заметила?

– И что же ты такое заметила, позволь спросить? – усмехнулся Берт, но его сверкающие в пасмурном полумраке глаза выдали его с потрохами.

– Искры, господин Маршан! – драматично воскликнула Конни, направляясь к входу в свою часть дома. – Искры, от которых разгорится пожар! – и была такова.

Берт ещё некоторое время стоял под крышей, слушая шум падающих крупных капель дождя, и смотрел куда-то в пространство. Ему становилось холодно, но идти к себе он не спешил. Сегодня началась его новая жизнь. Ещё пару дней назад он представлял её себе в ярких красках, заранее радуясь роскоши и финансовой независимости. Ему хотелось влюбиться в красотку (а делать это он умел почти профессионально), покутить и купить, например, яхту или дорогой итальянский костюм, а потом, возможно, что-нибудь зарисовать, но всё оказалось совсем иным. Словно там, в тумане, их и впрямь застал некий потусторонних дух, поглотил в себя и перенёс в это иное измерение.

Здесь была и роскошь, и красавица, и приключения, но ни один из этих пунктов не походил на его приземлённые фантазии, почерпанные в большинстве своём из каталогов

и глянцевого журналов. Роскошь была не в яхтах и модных клубах, а в огромном старинном замке и его пугающей таинственности. Красавица меньше всего походила на бледную фотомоделю, затянутую в тесное дизайнерское тряпье. Ну а венцом всего этого было, безусловно, приключение...

...приключение, которое самым неожиданным образом началось сразу с убийства.

Берт нервно выдохнул и поёжился. В глубине души он больше переживал не о том, сможет ли после всего увиденного его сестра спать спокойно. Знал, что сможет. А наутро ещё и запишет свои сны в блокнотик, как делает всегда с тех пор, как её к этому приучил отец ещё в детстве. Гораздо больше его волновало то, как уверенно и стремительно Констанция рванула в этот поток событий, жадно впитывая их и поглощая всю поступающую информацию. Интуиция подсказывала Берту – кан-кан странностей острова Сен Линсей только начинается. И им с Конни в ближайшее время предстоит в этом танце от души сплясать...

– Берт, – словно в довершение этой мысли рядом послышался приятный девичий голос. Парень ничего не замечал вокруг, поэтому появление Розы рядом с ним под крышей оказалось для него неожиданностью, не говоря уже о том, что он разминутся с ней всего пять минут назад.

– Простите, я думал, вы уже отправились в гостевую, – извинился он нервно. Девушка нежно улыбнулась и кивнула.

– Да, но я увидела вас в окно и вспомнила, что забыла

пожелать вам спокойной ночи!..

– О, что ж...споконной ночи, Роза, – поспешил отреагировать юноша, вновь чувствуя, как кровь приливает к лицу от одного только звука её голоса.

– ...и задать один вопрос, – игнорируя его слова, добавила девушка уверенно.

– Какой? – чувствуя, как запершило в горле, нервно переспросил Маршан. Каким образом он не заметил, что расстояние между ними заметно сократилось, он не мог никак взять в толк. Роза стояла так близко, что теперь он даже при скудном освещении уличного фонаря мог рассмотреть её веснушки и коричневые вкрапления на изумрудно-зелёной радужке глаз.

– Вы легкомысленный и необязательный человек? Только отвечайте предельно честно, пожалуйста, – потребовала она. И, как бы не хотелось ему сейчас солгать, назвавшись благородным рыцарем и человеком чести, Берт этого делать не стал, а из уважения к госте и этой околдовавшей его красоте, ещё и хорошенько подумал над ответом.

– Скорее да, чем нет, – прерывая затянувшуюся паузу, выдохнул он и попытался улыбнуться, но получилось очень плохо. Теперь он напоминал жертву неудачной подтяжки лица с этой жуткой перекошенной гримасой. Ладони его вновь вспотели, а возможности утереть их незаметно явно не было. Роза сощурилась, внимательно всматриваясь в глаза своему собеседнику, и сделала последний шаг ему навстречу. Вне-

запно взгляд её просветлел и как будто расцвёл.

– Хорошо. Это именно то, что надо... – шепнула она и, положив свою невесомую тёплую руку парню на грудь, припала своими алыми губами к его губам. Поймав этот поцелуй, Берт отчего-то ухватился за этот миг с такой жадностью, словно он мог стать для него последним в жизни. Он прижимал Розу к себе одной рукой, одновременно держа её за подбородок другой, и с упоением вдыхал её запах, такой же многогранный и сложный, как букеты цветов, трав и масел в её магазинчике. Ему хотелось сделать больше, хотелось впечатлить её, заставить её остаться, но он мыслил так быстро и так хаотично, что и сам не поспевал за своими идеями. На секунду они прервались, чтобы вдохнуть немного воздуха, и в этот момент Маршану показалось, будто он просыпается ото сна. Не дав ему очнуться от этого странного видения, Роза осторожно провела пальцами по его лицу и губам, а затем вновь поцеловала его, но уже коротко и, скорее, слегка поддразнивая.

– Я должна объясниться? – спросила она, и горячий воздух между ними чуть задрожал от её смеха. Берт туго сообщал и со скрипом пытался отвлечься от адского пламени и танцующих картинок в своей голове, чтобы поддержать этот разговор.

– ...должна объясниться?... – эхом отозвался он. Ладони его теперь лежали у неё на талии, постепенно разогреваясь добела. Кровь бежала в жилах с бешеной скоростью, делая

всё тело напряжённым и тугим, словно натянутая струна.

– На этом острове слишком много серьёзных людей, – Роза театрально вздохнула и чуть надула губы, при этом с интересом разглядывая подбородок и скулы своего разгорячённого собеседника. Старуха Гвиневра была совершенно права – наследник Ди Грана оказался настоящим красавцем, каких Розе не доводилось встречать никогда прежде. Он напоминал ей образ со старинных церковных фресок своим прямым носом и выразительными светлыми глазами. Это казалось ей странным и завлекающим одновременно. Её манило к нему совершенно непостижимым образом, а скрывать это слишком долго она и не собиралась. Да и не смогла бы, наверное.

– Вот как? – оторвав её от созерцания, переспросил Берт. Роза кивнула и чуть отстранилась, не давая при этом себя отпустить.

– Это бывает невыносимо, – призналась она честно. – Или, быть может, всё дело в том, что я здесь почти всех знаю. Так или иначе, но лёгкости не хватает, как воздуха. Вы понимаете меня?

– Думаю, да.

– Это хорошо, – девушка расплылась в улыбке и положила обе руки на плечи Маршана, – тогда вы заходите ко мне в магазин почаще, ладно?

– Ладно, – не сдержав нервного смеха, ответил Берт. Роза вновь приблизилась к нему, но на этот раз лишь слегка

коснулась губами его щеки и пожелала растерянному наследнику спокойной ночи. Через несколько минут её рыжая копна исчезла где-то в районе противоположной стороны внутреннего двора.

Глава 7

Было уже далеко за полночь, но Констанции совсем не хотелось спать. С досадой она осознавала, что это может сбить её устоявшийся режим, поэтому подумывала о том, чтобы заставить себя уснуть. В маленькой дорожной аптечке нашлась пара таблеток успокоительного с эффектом снотворного. Могло помочь, конечно, но пока Конни не спешила их принимать.

Плюхнувшись на свою шикарную кровать, она листала блокнот, пока не нашла последнюю запись с кратким содержанием своего сна: «призраки бродили по лабиринтам, фиолетовый кот спрыгнул с Луны, а Берт срывал с кустов алые розы, одну за другой».

– Берт срывал с кустов алые розы, одну за другой... – шёпотом повторила девушка и ухмыльнулась. Решительным движением она обвела эту строчку синей ручкой. Параллель с реальностью получалась забавная, хоть и случайная. Констанция Маршан нисколько не верила в вещие и пророческие сны, но верила в слаженную работу сознательного и бессознательного, способную создавать причудливые и весьма содержательные образы посредством сновидений. Отец говорил ей, что в периоды, когда у него отсутствовало вдохновение и желание творить, он всегда записывал свои сны в надежде увидеть в этих образах нечто такое, что смогло

бы вернуть ему интерес к работе. Он искренне верил, сны — это бесконечный источник самопознания, диафильм лучшего и худшего, что в нас есть. Надо лишь установить со своими сновидениями какое-никакое взаимопонимание, а там и пойдут ответы на все вопросы. Другой же момент заключался в том, чтобы уметь задавать правильные вопросы. Констанция хорошенько призадумалась, закусив кончик шариковой ручки, а затем медленно вывела слова на бумаге:

«Кто убил Исидору Совиньи?»

Обозвав себя тупицей, она чуть было не зачеркнула всё тут же. Впрочем, быстро одумалась. Конечно, вопрос был не в тему, ведь сны не могли рассказать ей о том, что именно произошло в доме нотариуса. Слишком много Конни не знала изначально. Например, были ли у убитой враги? Роза сказала, что Исидора была сложной женщиной, а Севилла не стала изображать скорбь даже из расхожих приличий. Вполне возможно, что госпожа Совиньи могла нажать себе массу недоброжелателей. И кто вообще мог посещать дом нотариуса в тот день? Быть может, у кого-то были ключи и постоянный доступ, что называется, к телу?

Решив не упускать эту мысль, Констанция спустилась на строчку ниже и написала список тех вещей, которые, по её мнению, теперь предстояло разузнать. В итоге получилась следующая запись:

«Кто убил Исидору Совиньи?»

Каким человеком была Исидора Совиньи?»

Кто был у неё в день убийства?»

Кто мог прийти в любой момент?»

Что в кабинете нотариуса делал мальчик по имени Гай?»

Были ли у Совиньи очевидные враги или конкуренты?»

Что она писала перед смертью?»

Ещё немного подумав, Конни переборола себя и в качестве последнего штриха внесла в список вопрос, в положительный ответ на который совершенно отказывалась верить:

«Исидора Совиньи могла покончить с собой?»

Конечно, Констанции Маршан не мешало бы задаться ещё одним важным вопросом. Иногда он проскакивал где-то в районе затылка, еле слышным шёпотом интересуясь, какое ей вообще дело до смерти женщины, которую она даже не знала. Да, это печально. Да, зрелище было не из приятных. И да, с полицией на острове явно не всё в порядке, но почему конкретно она, Конни, вдруг решила, будто её это как-то касается?

Задумавшись, девушка сильнее сжала челюсти, отчего тонкий пластиковый корпус ручки треснул и раскрошился. Вещица пришла в негодность, и Констанция лениво сполз-

ла со своего ложа, направляясь в ванную. Там она метким броском отправила ручку в урну и принялась умываться.

Казалось, гроза за окном было пошла на убыль, но уже через некоторое время она разбушевалась даже с большей силой. Окна комнат дрожали от напора ветра и дождя, а вспышки молний озаряли помещения замка всё чаще. С улыбкой Конни подумала о том, как всё, что её окружает сейчас, похоже на декорацию к мрачным викторианским романам – и полупустой старинный замок, и эта погода. Словно в дополнение к набору этих клише электрический свет в комнатах принялся нервно мерцать. И хотя Конни не относилась к числу пугливых и впечатлительных особ, даже она не сдержалась и боязливо поёжилась. Всё же в словах Берта был кое-какой смысл: огромное безлюдное пространство этажей замка, петляющие коридоры, старые стены и мелкие шорохи в звенящей тишине с непривычки давили на них, привыкших жить в квартирах, окна которых выходят на тесные, под завязку набитые людьми, городские улочки. Пусть и за стеной, но где-то всегда был сосед или соседи, а теперь до ближайшей живой души не довелось бы и докричаться. И только сейчас, под громкие раскаты грома, до Констанции дошла эта некомфортная мысль. Особенно с учётом того, как решительно она уверила себя в существовании некоего убийцы в окрестностях. Во рту как-то неприятно пересохло.

«Надо просто лечь спать!» – нашла выход девушка и смело схватилась за пачку с успокоительными таблетками. Свет

в ванной ещё пару раз моргнул, но теперь мгновения темноты длились заметно дольше. Конни это ни капельки не понравилось.

А потом она услышала стук. Нет, это был не тот уверенный стук в дверь, как если бы в её комнату постучал Берт, а далекий и приглушённый, еле-еле различимый на фоне шума дождя. Осторожно Констанция вернулась в спальню и замерла на полпути к прихожей. Возможно, ей это показалось, а, если и нет, то это вполне мог быть какой-нибудь естественный и вполне обоснованный звук, к которому она уже через пару дней привыкнет. Или, к примеру, в одной из множества комнат открылось окно, и теперь раму колотит порывистый ветер. Правда, колотил он её совсем недолго, но мало ли что...

Стук повторился. С тем же ритмом, но только заметно ближе. Звук его был чётким и вполне различимым, и он совсем не был похож на удары оконной рамы. На что же он был тогда похож? Констанция экстренно подбирала варианты, когда слышала его вновь. Теперь она точно понимала, что это был стук в двери соседних комнат. От этой мысли внутри у неё всё похолодело, а все идеи и логические доводы почему-то рассыпались, как песок. Может, всё же сквозняк?

«Тук-тук-тук» – отвечал ей коридор замка.

Или чья-то шутка?

«Тук-тук-тук!» – в этот раз он оказался пугающе близко. Конни хваталась за обрывки мыслей, как за спасительный

мостик между иррациональным страхом перед неизвестностью и здравым смыслом. Наконец, это случилось – после совершенно невыносимой паузы ночной гость добрался и до её двери. Без всяких сомнений Констанция услышала, как кто-то решительно постучал в её дверь. А затем двинулся дальше. Пока холодный пот проступал на лбу и шее госпожи Маршан, стук переместился. Очевидно, ночной визитёр вообще не надеялся, что ему откроют.

«Да успокойся же ты!» – одёрнула саму себя Конни. – «Может, это Берт ищет тебя? Плутать и ломиться во все двери вполне в его стиле!»

Стук продолжил удаляться, сохраняя при этом чёткий ритм и размер интервалов. Берт бы так не смог, но ментальная пощёчина подействовала отрезвляюще. Не поспевая за собственными догадками и мыслями, девушка уверенно направилась к дверям и, распахнув их, смело шагнула в коридор. Тусклый свет в редких настенных плафонах пару раз моргнул и погас, погружая замок в абсолютную тьму. Конни от души выругалась, не сдержав порыв.

«Совершенно несправедливо, когда такое происходит в столь напряжённый момент!» – имела она в виду.

Словно принимая во внимание данное замечание, свет вновь загорелся. Констанция огляделась по сторонам и тут же громко взвизгнула от ужаса.

В конце коридора она увидела удаляющуюся фигуру в белом одеянии и с чёрными, как смола, длинными волосами.

Этот жуткий призрак медленно плыл вдоль стен, не оглядываясь и не реагируя на посторонние звуки. Лишь на мгновение останавливаясь у очередной двери, он поднимал свою худенькую руку и три раза стучал. Кое-как подавив ужас, от которого кровь стыла в жилах, Конни вгляделась в этот попусторонний образ, удалявшийся от неё всё дальше. К своему собственному удивлению, она довольно скоро сообразила, что эта плывущая походка ей очень знакома...

– Виолетта, чёрт бы тебя побрал! – гаркнула девушка раздражённо, не особенно беспокоясь о вежливости. – Это ещё что за шутки?!

Фигура остановилась у последней двери, постучала и, ничего не говоря, свернула за угол, пропадая из виду. Успешно преодолев первую волну ступора, Конни поспешила последовать за ней. С изумлением она наблюдала за тем, как юная Ди Гран, больше похожая теперь на персонажа какого-нибудь корейского фильма ужасов в этой светлой ночной рубашке и с растрёпанными чёрными волосами, методично простучивает каждую новую дверь. Постепенно это перестало пугать и начало утомлять. Поравнявшись с Виолеттой, Констанция попыталась рассмотреть её. Кукольные глаза девушки были лишь слегка приоткрыты и казались совершенно затуманенными, а губы еле заметно шевелились, беззвучно что-то проговаривая.

– Виолетта... – позвала Конни сначала неуверенно, а затем повторила с нажимом, – Виолетта! Очнись!

«Тук-тук-тук!» – юная Ди Гран в очередной раз постучала в дверь и шагнула вперёд, но теперь Констанция преградила ей дальнейший путь и удержала девушку за плечи.

– Проснись! – велела она и пару раз с легка тряхнула Виолетту. Затуманенный взор странной ночной гостьи постепенно просветлел, и девушка принялась часто моргать и хмуриться.

– Что...опять?... – растерянno пролепетала она, пытаясь прийти в себя. – Где я?..

– В южном крыле, – ответила Конни.

– Ох, далековато... – вздохнула девчонка и поднесла ладонь к лицу. Констанция увидела теперь, как покраснели костяшки её худеньких пальчиков. – Почему рука так болит?

– Ты стучала в двери.

– Всю дорогу? – удивилась Виолетта. Её мимика была невероятно живой и подвижной теперь, и эта разница в образах поразила Конни. Оказывается, госпожа Ди Гран очень даже умела выказывать эмоции, и сейчас она, вытаращив свои прекрасные кукольные глаза, с неподдельным изумлением смотрела на свою собеседницу.

– Полагаю, что да, – Конни кивнула.

– Гадство какое! – в сердцах выпалила девушка и прикусила губу. – Это всё вы со своими церемониями и болтовнёй, а еще книга...да, дурная книжка опять меня встревожила!..

– Ясененько, – протянула Констанция, ничего не понимая, и потянула Виолетту за собой, – пойдём-ка ко мне. Нечего

тебе тут шарахаться одной...

– Мне надо будет выпить какао, – покорно следуя за своим проводником, пролепетала девушка.

– У меня нет какао, даже чайника нет.

– Есть. В кабинете в нижнем отделении книжного шкафа есть электрический чайник, три чашки, чайные пакетики и пачка какао с сухим молоком.

– Откуда ты это знаешь?

– Это стандартный набор для жилых спален, – зевнула Виолетта лениво, – если повезёт, мы и печенье найдём...

Им повезло. Среди всего того, чем Севилла Сапфир предусмотрительно наполнила нижнее отделение шкафа в кабинете, обнаружилась масса всего необходимого для полноценного чаепития с гостями. Здесь были пачки солёных орешков, какие-то ванильные бисквиты местного производства, шесть видов травяного чая в льняных мешочках и с ярлычками магазина «тюльпановое дерево», небольшой сервиз с красивым цветочным узором и то самое какао с сухим молоком, о котором так грезил юная Ди Гран. Устроившись на бархатном диванчике здесь же, в кабинете, Виолетта укуталась в плед и ждала, пока Конни гостеприимно сервирует кофейный столик.

– Давно ты ходишь во сне? – поинтересовалась Констанция.

– Лет с пяти, – отвечала ей гостя. – По ночам я чувствую себя лучше и бодрее, чем днём, поэтому обычно я ложусь

спать не раньше трёх-четырёх часов ночи, а то и под самый рассвет, но сегодня меня сморило. Вот и последствия.

– Тем не менее, ты первым делом обвинила во всём меня и какую-то книжку, – заметила Конни, подавая девушке чашку с какао. Себе она заварила немного чая с ромашкой, чтобы унять нервное возбуждение от их странной ночной встречи.

– Старая привычка винить во всём дневной стресс, – Виолетта отпила немного своего горячего напитка. – Наш семейный врач долгое время полагал, что у меня неустойчивая психика, поэтому сильные впечатления, пережитые днём, могут провоцировать лунатизм. Пару лет назад я перешла на ночной образ жизни, предпочитая ложиться спать под утро, и мои хождения во сне прекратились. Это даёт мне повод поставить его теорию под сомнение. Я прошу прощения, если мои слова прозвучали грубо, когда я обвинила вас. Наверняка вы здесь совершенно не причём.

– Так ты спишь весь день?

– Нет, только до обеда, но всё равно в дневное время я не могу преодолеть апатию. Разве что в пасмурные дни мне становится легче, – пояснила гостя. – Прошу вас, Констанция, не рассказывайте об этом тётушке, а то она устроит по этому поводу совершенно напрасную шумиху и начнёт причитать, что я могла пораниться и всё такое...

– А ты и впрямь гораздо болтливее, чем днём, – усмехнулась Конни. – Ладно. Скажем ей, что ты пришла ко мне вечером попить чай и поболтать. В конце концов, в завещании

Август выражал надежду, что мы подружимся.

– Это очень в его духе, – печально улыбнулась Виолетта, и Констанция быстро поняла, что с этой темой лучше быть поосторожней. Август Ди Гран был всеми любим и обожаем, а эта девочка и вовсе могла относиться к нему, как к отцу. Не стоит лишний раз ковыряться в этой свежей ране. Уж очень хорошо знала Конни, каким болезненным этот процесс может быть.

– Ты вроде говорила про какую-то книжку, когда очнулась... – аккуратно она отвела разговор в сторону.

– Да, она называется «Дети магнолии». В нашей домашней библиотеке есть штук пятнадцать экземпляров разных годов издания, – охотно отвечала соседница. – Самая старая версия датируется тысяча семьсот двенадцатым годом и хранится в музее Линсильвы. В этой книжке собраны все истории и легенды острова, в том числе о жизни святого Линсея и разных его потомков.

– Звучит мило, – задумалась Конни, вспоминая книжку, которую специально для них с Бертом написал и проиллюстрировал акварельными картинками их отец. – Когда мы с братом были ещё детьми, папа в подарок сделал нам книгу с картинками и странноватыми сказками. Она называлась «Страна магнолий», а после его смерти её даже стали издавать для массовой печати...

– О, да. Я знаю, – Виолетта часто закивала. – Я читала её, он прислал нам копию, когда был жив. Мы с вашим отцом

никогда не встречались, но ещё до моего рождения он бывал здесь, на Сен Линсее, а позже поддерживал переписку с дядей Августом и моими родителями. Многие истории в его книге перекликаются с «детьми магнолии», а пейзажи очень похожи на местные.

– Теперь понятно, почему Порт Моро показался нам таким знакомым, – Конни вспомнила, как они с Бертом с изумлением разглядывали приморский городок и набережную. – У вас ещё осталась та копия его книги?

– Конечно, она хранится в малой библиотеке в северной части дома на втором этаже. Но я должна заметить, что ваш отец серьёзно переработал многие сюжеты, добавил им сказочности и парочку счастливых концов легендам, которым это и не снилось. Как это часто бывает, подлинные истории всегда сложнее, мрачнее и пугающе реальны при том. И, в сущности, этим-то они ценнее и прекраснее. А вот «Печать зверя» он вообще в сборник не включил. Видимо, эту историю сложно перекроить так, чтоб она стала хоть немного светлей...

– Что за «печать зверя»? Страшилка какая-нибудь?

– Представьте себе, эта «страшилка» тёмным пятном лежит на истории целого рода и поныне живущего на острове, – покачала головой Виолетта и непроизвольно поёжилась, но явно не от холода. – Это её я читала сегодня. И в её правдивости местные жители уверены настолько же, насколько вы уверены в том, что небо голубого цвета, а трава – зелёного.

– Ну, ты, конечно, умеешь создать напряжённую атмосферу. Чего стоит только твоё сегодняшнее появление у моих дверей среди ночи, – фыркнула Констанция, отпивая своего ромашкового чая. – Сильней ты меня уже не напугаешь. Так что давай – рассказывай, про что эта твоя жуткая легенда!

– Хм, почему бы и нет? – девушке эта идея явно понравилась.

Привыкшая бодрствовать и вести активную деятельность по ночам Виолетта чувствовала себя хорошо и вполне комфортно, а личико её, разукрашенное лёгким румянцем и живой человеческой мимикой, казалось теперь совершенно очаровательным, как у принцессы из какого-нибудь диснеевского мультфильма. Подумав немного и сложив в голове все сюжетные линии, ночная гостья начала свой рассказ:

– Вам с братом, конечно же, известно, что Линсея Ди Гранна на острове считают святым чудотворцем. Есть множество историй и легенд о том, как он творил невероятные вещи, заглядывал в самую суть вещей и защищал первые поселения от великого зла, посягавшего на души людей. И хотя монотеизм и классические христианские традиции вместе с ним влились в жизнь островитян, неожиданным может показаться тот факт, что возлюбленная жена Линсея открыто признавала себя наследницей древнего магического культа, почитавшего силы матери-природы. Проще говоря, Морелла Ди Гран была самой настоящей язычницей и ведьмой. Вместе с супругом она выбрала путь добра и света, но не изменила

многим своим верованиям и обычаям. Во многом именно по этой причине в наших краях люди привыкли гармонично сочетать в своём быту такие несовместимые, казалось бы, вещи, как веру в единого Всевышнего Господа и старые суеверия, нередко граничащие с фетишизмом.

У Линсея и Мореллы было четверо детей. Двое мальчиков и двое девочек. Старший сын позже посвятил себя строительству церкви и помощи людям, он жил, как монах, и не создал своей семьи, но его доброе имя навсегда вошло в историю острова. Его звали Адальберт Ди Гран. Полагаю, твоего брата называли в его честь?..

– Похоже, что да, но вряд ли Берт об этом знает, – Конни криво усмехнулась.

– Второй сын Линсея и Мореллы, Вильгельм Ди Гран, стал прямым продолжателем нашего рода. Он тоже был очень интересным и просвещённым человеком, но в этой истории речь пойдёт не о нём. Средняя сестра его умерла в достаточно юном возрасте, а вот самая младшая дочь Линсея и Мореллы – красавица Корделия – восхищала собою всех вокруг несколько дольше...

Как только её не описывали в разных изданиях «детей магнолии», но все сходились в одном – девицы, краше Корделии, не сыскать было на всём белом свете. И голос-то её звучал, как песня, и волосы вились золотом до самых пят, и глаза сверкали ярче, чем звёзды. В общем, не женщина, а чистейший ангел с небес. Впрочем, характер у девушки был

не то чтобы совсем уж ангельским. Корделия, избалованная всеобщим вниманием и любовью, нередко проявляла упрямство и непокорность. Бывало, она смотрела на людей свысока, а бесконечных претендентов на свои руку и сердце жестоко отвергала. Её родители, уже познавшие горечь утраты одной любимой дочери, прощали ей эти капризы и на многое закрывали глаза. Так продолжалось до тех пор, пока на острове не объявился некто Октавиан Тенебрис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.